

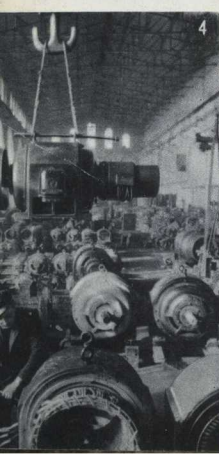
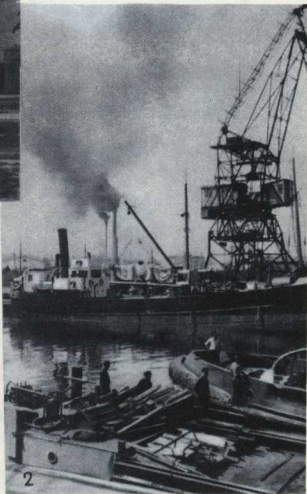

СМЕНА

14
1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ТАЛЛИН— СТОЛИЦА СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ.

Таллин — столица Советской Эстонии, один из древнейших городов нашей Родины. Это важнейший политический, культурный и хозяйственный центр республики, крупный советский порт на Балтийском море.

Город раскинулся полукругом вдоль обширной Таллинской бухты. Зимой здесь море почти не замерзает, и корабли под флагами многих государств заходят в Таллин круглый год.

Своеобразен облик города. Памятники далекой старины — средневековой Вышгородский замок, Нижний город с узкими, запутанными улицами, старинные строения с островерхими крышами — накупили вырванными в бурно развивающемся квартале нового города с широкими проспектами, многоэтажными светлыми домами.

Во время войны фашистские захватчики нанесли огромный ущерб городу. Целые районы были превращены в развалины. Эстонский народ с помощью братских советских народов в короткие сроки не только восстановил свою

столицу, но сделал ее еще более красивой, благоустроенной. В кварталы таллинцев поступил газ; они идут по газопроводу из Ноксала-Ярве — центра газодобывающей промышленности республики.

Заводы и фабрики столицы Эстонии вырабатывают самую разнообразную продукцию: мощные электромоторы, оборудование для нефтяной и горнодобывающей промышленности, бумагу, мебель, ткани, консервы, папирсы, высококачественное стекло, обувь, спички, резиновые изделия.

В Таллине четыре высших учебных заведения — политехнический и педагогический институты, консерватория и художественный институт, 15 техникумов. Здесь находится Академия наук Эстонской ССР, три театра — оперный и два драматических, — концертный зал, публичная библиотека, несколько музеев. Мощная полиграфическая промышленность эстонской столицы выпускает сотни названий книг.

Растет и развивается Таллин — сердце Эстонской республики, — с каждым годом становится краше и богаче.

На снимках:

1. Вид на древнюю крепость.
2. В морском порту.
3. Смотровую вышку Государственного театра «Эстония».
4. В цехе сборки крупных машин завода «Вольта».
5. Строительство новых жилых домов в Калининском районе города.

Севастополь — город русской морской славы. Здесь главный каземат хранит следы героических полководцев. Советские воинские моряки свято хранят и унаследуют славные традиции военно-морского флота. Заверчен трудный годок. Свободные от вахты моряки направляются в одно из любимых мест отдыха черноморцев — Матросский слобод.

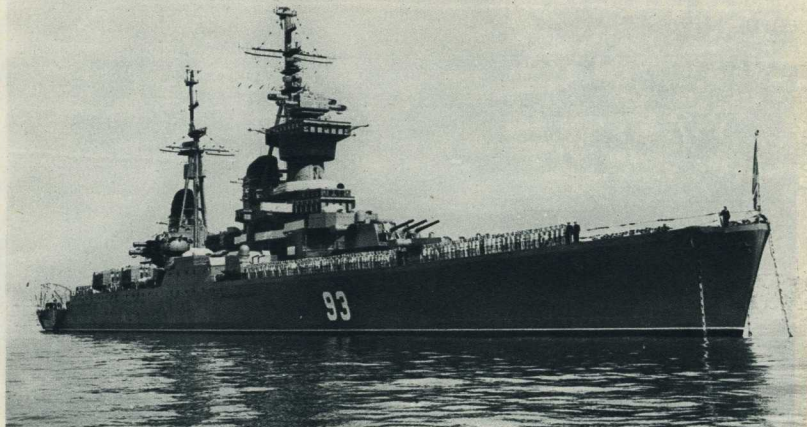
Фото И. Бернштейна.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июль. № 14. 1954 год.

Год
издания
31-й

Корабли советского Военно-Морского Флота побывали с визитами дружны в портах Польши, Румынии, Болгарии, Албании, Финляндии и Швеции. На с и н и к е: один из советских военных кораблей — крейсер «Адмирал Нахимов», на котором советские военные моряки ходили с визитом дружны в Албанию.

ПОД ФЛАГОМ РОДИНЫ

50 тысяч человек присутствовало на митинге в Тирране в честь советских военных моряков, прибывших в Албанию с визитом дружны. На с и н и к е: после митинга советские моряки беседуют со сандербеговцами — воспитанниками албанских военных училищ.

В одном из американских портов в годы второй мировой войны произошло незначительное на первый взгляд, но знаменательное по своему существу событие. Отряд небольших военных судов, предназначенных для действий в прибрежных районах, покинул берега Америки и отправился в необычно далекое плавание — через океан, к той части земного шара, где рождалась судьба великой битвы против фашизма.

Огромная толпа портовых рабочих собралась проводить корабли под советским военно-морским флагом, уходившие в рискованное плавание. Среди провожающих одни восторгались спокойствием тех, кто из маленьких судыньских пускался в дальний путь, другие спорили на хребцах, как на бауцах, обремененных почти на верную гибель. Портовый чиновник, у которого советские моряки хлоп-

тали о запасных частях для механизмов, сказал:

— Странные вы люди!. Не все ли вам равно — тонуть с запасными частями или без них?. Только лишней раскол! Океан проглотит ваши корюпки раньше, чем вы увидите свои берега, Океан не любит шуток!

Что могли ответить расчеловачу янки советские моряки!

— Война тоже не любит шуток! — бросили они чиновнику так и не понятую им фразу. Легко дышалось в океане. Матросы, старшины и офицеры несли походные вахты, радуясь чудесной погоде, отсчитывая каждую пройденную милю. Они торопились к берегам сражающейся Родины. Но на вторые сутки похода закипел океан. Огромные волны с ревом набросились на корабли. В пене и брызгах исчезали даже высокие мачты. Все скрипело, трещало под итаиском стихии.

Шторм не утихал сутки, вторые, третьи... Предсказание портового чиновника, пожалуй,

сбылось бы, оказался на этих эскорлупках люди другого характера и воли. Но кораблями управляли советские военные моряки. И корабли пришли к родным берегам все до единого, без повреждений.

Покорение морских просторов всегда волновало и влекло человека. Но ничто так не любил море, никто не умел так справляться со стихией, как русские люди.

Издравле наш народ слыл мореходом. На утих ладях он совершал походы к берегам Византии, «Колумбы» России, презрев угрюмый рок, прокладывая первые пути в северных ледовитых морях, открывали острова и проливы. За русским народом история утвердила славу искуснейшего кораблестроителя. Народ-мореход выставовал своих флотоводцев, чьи имена блещут в морской истории, как немеркнущие звезды.

Тепло встречали в Румынии советских военных моряков. Дни пребывания их в дружественной стране выливались в настоящий праздник. На с и н и к е: танцы на площади, устроенные в день прибытия советских моряков.

Мир знал отвагу и храбрость русских моряков. Но вот после Октябрьской революции 1917 года в морских и океанских просторах появились корабли под советским военно-морским флагом, и мир увидел нового, доселе неизвестного ему моряка. Во флотской форме предстал человек, гордый и сильный духом, человек, знающий, куда и зачем он ведет свой корабль. Это был представитель нового мира, новой эпохи.

Широта кругозора, культура, высокая идейность и сознательная дисциплина — эти характерные черты советского военного моряка поражали многих иностранцев. Удивителен и непонятен им был этот человек в советской флотской форме!

Американские и английские офицеры, наблюдавшие во время пребывания советских кораблей в их портах, с какой любовью экипажи обращаются с механизмами, как глубоко они знают технику, часто не верили, что на наших кораблях у котлов и машин стоят простые старшины и матросы.

— Вы подменили матросов офицерами, — заявляли они.

Стоило ли доказывать неправоту этих утверждений! На наших кораблях были действительно самые обыкновенные старшины и матросы. Но это были советские старшины и матросы, наша славная молодежь, воспитанная Коммунистической партией и Ленинским комсомолом. Выросшие в социалистической стране, где образование стало достоянием всего народа, где общий культурный уровень простых людей поднялся на несравнимую с прошлым высоту, они и по общему развитию и по глубине технических знаний отличались от

Студенты Варшавского политехнического института долго беседовали с советскими военными моряками, посетившими столицу Польши в дни пребывания с визитом дружбы.

В очерке о пребывании советской эскадры за границей А. М. Горький своей заявлением одного из официальных лиц Неаполя, сделанное командру эскадры:

— Третий раз советские матросы посещают наш город, и мы не имеем ни одного скандала, ни одного полицейского протокола — это совершенно необычно! Да, это было необычно, если вспомнить,

что местные газеты писали о поведении американских и английских моряков. В те же дни матросы американского крейсера разгромили в Неаполе пять ресторанов, а английские моряки хулиганили на улицах, избивали прохожих.

Газеты многих стран и сегодня пестрят заметками, полными жалоб на поведение моряков США, демонстрирующих «американский

На советских военных кораблях, ходивших с визитами дружбы в иностранные порты, бывали многочисленные делегации трудящихся. На с ними к: польские пионеры в гостях у советских моряков.

Во время визита дружбы в Болгарию советские военные моряки посетили исторические места, свидетельствующие о давних связях и кровном родстве русского и болгарского народов.

матросов флота любой капиталистической страны. Увидеть в советских морях эти новые качества господам иностранным офицерам помешала та «застарелая болезнь европейцев», о которой Горький писал, как об уродливом превращении к до смехотворного напыщенном сознании их «превосходства» над всем русским.

Мир действительно не знал прежде столь благородного, столь одухотворенного военного моряка. Советский военный моряк — передовой человек своего времени, владеющий не только грозным морским оружием, но и всепобеждающими идеями Коммунистической партии, — поднялся над морьями всех других стран на целую голову.

Еще четверть века тому назад, когда советская эскадра совершала поход вокруг Европы, в иностранных портах удивлялись необычному поведению советских матросов, проявлявших интерес к музеям и историческим памятникам тех городов, которые они посещали.

— Не забыли ли вы советские моряки? Музей на тверди! — замечали нашим матросам некоторые иностранцы, пришедшие видеть своих моряков ситязующими по кабакам и притонам буйной, пьяной ветгой.

образ жизни. Герцская газета «Агис» сообщала, например, о том, как пыльные американские матросы ворвались в больницу Флоренции и строили извозный поезд с забитыми больными. В том же Неаполе пять американских моряков напали на женщину, и только вмешательство итальянских юной-патриотки спасло ее от позора. Дранки, пьянством, разбоям отпустились американские моряки в Дании, Норвегии и в других странах, куда заходила их эскадра с визитом великошести.

Как правило, похищения американских военных моряков оставались безнаказанными, ибо и правительство и полиция этих стран неспособны обеспечить наказание «гостей». Но сам народ не желает терпеть неадекватность. В Неаполе, Копенгагене, Осло во время пребывания американской эскадры жители выходили на улицы с демонстрацией протеста против подобной «визитной вежливости». Не один преступник пыльных матросов вызывал эти протесты. Народ видит, что флот американских империалистов вместе с визитными вежливостями несет порабощение стране, подавление воли народа. В память исторического народа глубоко вернется визит американской эскадры во время выборов весной 1948 года. Чтобы обеспечить приход к власти угодных американским империалистам партий и людей, они послали к берегам Италии военные корабли, которые, стоя на внешних рейдах, наводили орудия на итальянский берег. Под предлогом «визита вежливости» американская эскадра вошла в порт Ливорно, но вскоре «гости» стали хозяевами: итальянцам было запрещено показываться в районном порту.

Советские военные моряки никогда, где и ничем не запятаны чести флага своей Родины. С тех пор как на морских и океанских просторах появились корабли под советским флагом, народы всего мира видели в советских морских достойных представителей Вооруженных Сил страны социализма, людей высокой морской культуры и моральных качеств. Они никому не угрожали, ничью волю не подавляли. Высокие морские добродетели и дружбы несли они народам и прославляли не только как покорились морским просторам и океанским стихий, а и как завоеватели сердец простых людей мира.

Вся английская печать воспеивала образцовое воспитание и морскую культуру экипажа крейсера «Свердлов», поставившего свой корабль в английский порт только в обозначенном месте и в рекордно короткий срок на два якоря одним из самых сложных способов постановки — способом «фотон».

Народы Польши, Румынии, Болгарии, Албании, куда ходили советские корабли с визитами дружить, встречали советских военных моряков с распростертыми объятиями, как братьев. Они видели в советских матросах представителей могучего Советского Союза, который выволил их родные земли от фашистского порабощения и теперь непоколебимо стоит на страже мира и независимости народов. В эти страны, в Финляндию и Швецию приезд советских моряков превращался в настоящие праздники дружбы народов.

Во время визита советских кораблей в Польшу газета «Наша стража» вывешивала опубликованные под скромным, но многозначительным заголовком — «Славяне» — высказывания о советских военных моряках.

«Сердечные, открытые люди, советские моряки, настоящие наши друзья», — говорил один польский моряк. Другой добавлял: «Эти матросы гордо стоят на страже мира».

Где бы ни появлялись советские моряки — в столицах или в селах, на фабриках или просто в жилищах рабочих или крестьян в качестве гостей — беседам, казалось, не будет конца — такой живой интерес вызывает у народов все, что делается в Советском Союзе.

Всеобщие восхищения вызвали прекрасно оснащенные советские крейсера и эскадренные миноносцы. Появляясь боцман Пайда, ознакомившись с советскими кораблями, заявил: «Совершеннейшее боевое вооружение и высокая военно-морская подготовка каждого советского моряка представляют вместе неразрывное целое. Такая сила может быть только у государства, которое построило и строит социализм и всеми силами борется за мир, со всеми защищая интересы трудящихся».

Отмечая силу и мощь современных совет-

ских кораблей, газеты стран народной демократии писали:

«В то время, как флот империалистических государств служит агрессивным, грабительским целям, флот Советского Союза является одним из могучих бастионов защиты мира, жизни и счастья миллионов простых людей от прописок англо-американских империалистов».

* * *

Наша страна — великая морская держава. Четырнадцать морей и два океана омывают ее берега. На тысячи миль протянулись ее морские границы на западе и востоке, на севере и юге. Спокойствие этих границ охраняет советский Военно-Морской Флот — неотъемлемая часть наших могучих Вооруженных Сил.

В минувших жестоких схватках советские военные моряки показали, на какие подвиги способен человек, владеющий в то время оружием, но и великой идей. В годы германской войны на всех фронтах храбро сражались воины в бушлате и бескозырке. Он всегда был верным защитником Советской власти, интересам народа, надежной опорой Коммунистической партии. Это он, ополчившись наметной лентой, после разгрома вражеских полчищ под Петроградом устали герою фильма «Мы из Kronstadt» грозно спрашивал: «А ну, кто еще хочет на Петроград!»

И когда на Советский Союз навалился фашизм, на всех фронтах Великой Отечественной войны снова появилась та же грозная фигура воина в бушлате и бескозырке и плечом к плечу с героическими полехотцами, отчаянными танкистами, доблестными летчиками и мужественными артиллеристами непоколебимо стоял на пути врага.

Герой Отечественной войны командир подводной лодки Гаджиев говорил в те дни:

«Уходя в море, я боялся только одного: вернуться без победы».

Что зашло, что подтверждало в сердце советского воина*пламя священной ненависти к врагу?

Родина.

Советский Военно-Морской Флот в минувшей войне доблестно выполнил свой долг перед Родиной. Помогая Советской Армии громить врага, он надежно прикрывал ее фланги, удерживая в море немца, совершившие удары по морским коммуникациям противника. Советские военные моряки, проявляя мужество и стойкость, своими подвигами умножили лучшие революционные традиции флота. В книге русской морской славы по-прежнему гордо звучит имя героя, на которых неизменною светом светит самое дорогое воину слово: «Победа».

После войны на корабли пришло новое поколение военных моряков. Передавая им свое оружие, вручая Отечественную войну дали имика:

— Так держите!

В походах, в упорной боевой и политической учебе экипажи кораблей оттачивают свое боевое мастерство, умение в совершенстве владеть грозным морским оружием.

Не легка служба на море: всен ли горизонт, бушует ли шторм, сияет ли солнце или ночь окутывает широким покровомом безбрежных просторов — советские военные корабли выходят охранять морские рубежи Родины мирным труд советского моряка. Каких только трудностей не испытывают моряки в этих походах! Но именно эта полная трепетом романтики морская служба и влечет нашу советскую молодежь.

Комсомол, шефствующий над родным флотом, посылает на корабли своих лучших воспитанников.

В день Военно-Морского Флота на дальних морских рейдах, широким простором Балтики и Тихого океана, на Черном и Баренцевом морях — выстроились для смелого боявые корабли. Нельзя не восторгаться, глядя на эти большие и малые плавучие крепости, созданные трудолюбивыми руками советских народа. Превосходной техникой располагает наш флот сегодня. И эта техника в руках пламенных патриотов, высоко несущих честь флага Родины.

Вся советская молодежь поздравляет с праздником своих товарищей — морских богатырей и дает им ика:

— Так держите!

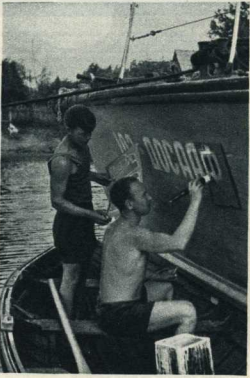

В МОРСКОМ КЛУБЕ

На берегу Химкинского водохранилища, в небольшой бухте, находится водная станция Московского морского клуба ДОСААФ. Здесь досаживают под чуждым знаменем сигнальщиков, рулевых, старшин шлюпок, приобретают знания, необходимые морякам.

С утра до вечера на водной станции царит оживление. Зимой в водиториях клубов проводятся теоретические занятия. Летом — практика на яхте, шлюпке, моторном катере.

Каждый из занимающихся в морском клубе овладевает несколькими специальностями. Комсомолец Николай Степанов, например, не только научился гребти и управлять парусом, но и овладевает флажной

сигнализацией. Стоя на мостике, он уверенно и быстро «разговаривает» при помощи флажков с проходящим мимо катером.

Команда гребцов готова к походу на шестисалютном парусном гал. Все члены этой команды — комсомольцы, учащиеся 325-й средней школы столицы. Молодые моряки завоевали первое место среди юношей на соревновании гребцов ДОСААФа. Более тридцати учащихся этой школы стали членами морского клуба. Многие из них уже сдали экзамены и получили звание старшины шлюпки.

Занятия на яхтах — один из интереснейших видов спорта, требующий большого физического напряжения, сноровки и смелости. Нелегко приходится рулевому технику Семену Гискину и его матросам — Наде Шелеповой, секретарю комитета ВЛКСМ и научно-исследовательского института, и механику комсомольцу Максиму Савоскому. Ветер валит парус на воду, яхта идет с большим креном. Команда ба-

ансирует, откидываясь на борт, стараясь сохранить равновесие. Ведь при большой скорости чуть «прозевешь ветер», как говорят яхтмены, — и судно в воде.

Такой случай произошел недавно на соревновании яхт Москвы. Соперником команды Семена Гискина оказалась команда общества «Динамо». Обе яхты шли к финишу.

Паруса, вобрав в себя весь ветер, скакнулись почти к гребням волн. Трудно было авировать под парусами на волне. И стояло на повороте чуть зазеваться команде динамовцев, как яхта опрокинулась. Но к потерпевшим «кораблекрушение» во-вре-

Фото Г. Борисова

мя подоспела команда Гискина. Она победо-бно «соперников» и продолжила свой путь к финишу.

Однако эта небольшая остановка дорого обошлась досавосцам. К финишу они пришли пятыми, но зато выручили товарищей. Так юноши и девушки с первых

шагов «морской службы» в клубе воспринимают лучшие традиции советских моряков.

Многие питомцы клуба уже связали навсегда свою жизнь с Военно-Морским Флотом. Они охраняют морские рубежи нашей Родины на боевых кораблях.

НОВАЯ ЖИЗНЬ КОРАБЛЯ

В годы Великой Отечественной войны «Смерч» конвоировал транспорты в Баренцовом море, вел огонь по береговым укреплениям гитлеровцев. Немало точных и смелых ударов нанес он по врагу, принимал участие в знаменитой Петсамо-Кильдинской операции. С него высаживались десантники.

После войны «Смерч» совершил дальний поход. С Севера он пришел в Москву, на Химкинское водохранилище, и стал учебным кораблем ДОСААФа. Здесь началась новая жизнь корабля. Юноши и девушки, любящие море и флот, — частые гости на «Смерче». С интересом знакомятся они с боевой биографией корабля, изучают его устройство, вооружение.

Недавно здесь побывали школьники. Юные экскурсанты познакомились с комсомольцем Василием Борисенко, который во время Отечественной войны служил на «Смерче» машинистом-турбинистом. Вернувшись после демобилизации в Москву, Борисенко записался в морской клуб и теперь часто приходит на родной корабль. Внимательно слушают экскурсанты его рассказы о боевом прошлом «Смерча».

На снимке: Василий Борисенко со школьниками-экскурсантами.

Автор этого рисунка — офицер советского Военно-Морского Флота, участник войны против империалистической Японии. «Услуга» — первый его рисунок.

Б. ГОЛЬДБЕРГ

УСЛУГА

Рассказ

В 1943 году Шакула плавала на моторботе. Но знаете ли вы, что такое моторбот? Это — маленькое суденышко, пузатое, как орех, с длинной, обычно ржавой трубой. Когда его единственный двигатель, непочтительно называемый «движок», работает, пыхтенье слышно издавка, а из трубы вылетают тучиние в воздухе комочки дыма. Впрочем, на «Тайфунду» — так назывался бот Шакулы — движок был особенный, американский. Шакула сперва неверно относилась к загрязнительному движку. Но мотор служил честно и даже сообщал «Тайфуну» скорость до 10 узлов.

Команда бота состояла из нескольких молодых парней и девушки Кати. На обязанности Кати лежало приготовление пищи. Завтрак она и стирала для всей команды, чинила белье, пришивала пуговицы. Это была высокая, крепкая воловжanka, отличающаяся замечательным спокойствием. Матросы устраивали ей всякие каверзы: то спрыгнут платок, то кастрюлю с камбуза утащат, а то примутся дразнить милыми женскими. Ничего не могло вывести Кату из терпения. Она только лениво улыбалась да отмахивалась поаной рукой.

«Тайфун» развозил соль по рыбным промыслам Камчатки. Этим он занимался все лето, а в сентябре пришла приказ забросить соль в Александровск, взять там попутный груз и затем следовать во Владивосток.

Ясным утром «Тайфун» распростерся за Петропавловском. Скрылась дымка, разбросанные на скалах сопок, отодвинулся берег. Нобо стало больше, прозрачней; дохнуло тем особенным, свежим и солонным запахом, каким всегда встречает открытое море. Началась легкая, плавающая качка.

Несколько дней прошло спокойно. Осталась лозина берега Камчатки; бот — незаметная пылинка на серо-голубом пространстве воды — шел уже в открытом море.

Однажды ночью Шакула проснулась. С минуту он лежал неподвижно, стараясь понять, что его разбудило. На стол дребезжала алмазинский чайник. Тускляя лампочка под жестяным абажуром раскачивалась из стороны в сторону. Кто-то бормолта во сне... Но что это? Наверку хлопнула дверь и что-то железное дробно протучало по деку.

Шакула вышла на палубу. Сырой ветер толкнул его в лицо. Было совершенно темно. Подслеповато мигая, держась за поручни, Шакула пробрался к рубке и ударил рубку. Изнутри к стеклу приблизилась чье-то лицо. Дверь открылась.

— Мелентий Петрович?

Шакула вошел. В рубке было тихо, тепло, накурено. Чуть заметно желтела шкала компаса. Тикали невидимые в темноте часы.

— Давно дует? — спросил Шакула.

— Часа два, как потянуло. Боек, не заштормило бы...

— Похоже...

Между тем ветер усиливался. Провальные оттяжки трубы застискали тоненько и противно. Басом подвывали вентиляционные раструбы. Начинался шторм. Пришло утро — серое, холодное. Низко над морем носились равные тучи. Волны окутались водяной пылью. Вот то проваливался кудлато, то легко взлетал, задирая корму. Отолялся винт — тогда машина взывала высоким и тревожным голосом, но «Тайфун» вновь пахался в воду, и машина одобренно и туго ворчала.

Вскипятить чай не удалось: солерывая пелурка нещадно дымила. Пришлось раздать холодную воду с экстрактом.

К полудню замолчала машина. Шакула бросил ставший бесполезным штурвал и побежал в машинное отделение. Растерянные лица мотористов сказали ему все. Двигатель уже остывал. На его жирных плоскостях дрожали шарик капелек.

— Коля!

Коля считался самым опытным из мотористов, но он только развел руками.

— Посмотрим, Мелентий Петрович!... Эх, был бы наш движок!

— Если бы да кабы, — жестко сказала Шакула. — Немедленно исправит! Понятно?

Через несколько минут стало ясно, что исправит движок не удастся: лопнула колденчатый вал, а запасного не было.

Вот когда Шакула пожалела, что, идя в этот рейс, уступила портовикам и приняла дополнительный груз! На палубе штабелем лежали мешки. Это уменьшало остойчивость «Тайфуна», он уже черпал бортом воду. Что делать? Перенести соль вниз? Нелегкая задача на такой волне. Проще всего, конечно, перерезать смоляной трос, крепящий штабель, и море само смзнет опасный груз... Но выбросить соль,

когда из-за нехватки ее пропадают узлы, идет прахом тяжелый и рискованный труд рыбаков... Нет, этого сделать он не мог.

— А ну, ребята, таскай мешки в машинку!

Намокшая соль отяжелела. Скольконишки мешков вырывались из рук. Силойи разьежались по мокрой палубе, люди падали, обдирали руки о жесткую мешковину. Но судни не замечали, работали молча, без переруков, стараясь спасти ценный груз.

Ночью Шакула поднялся наверх. Сперва ему показалось, что вошла луна — такой призрачный свет был разлит вокруг. Но это был туман. Болелая мокрая муть обволакивала бот. Исчезло море, исчезло небо. Откуда-то из плотной ваты тумана приходила воана. На палубе векивала фосфоресцирующая пена, рассыпанная мириады иррозделенных брызг. Потом воана ухотдила, и долго еще по палубе змеяками бегаали искры нечестоты. Шторм явно ослабевал. Шакула вернулся в кубрик, уткнулся головой в мокрую подушку и крепко заснул.

Утром молочная пелена стала редеть. От нее отрывались комочки и улетали, причудливо вытягиваясь во ветер. Туман изохоматился, став прозрачней. И вскоре все увидели остров. Почти круглый, похожий на огромный каравай хлеба, брошенный в море, размокший и расплывшийся от сырости, остров был совсем недалеко, простым глазом можно было различить кайму пены у обрывистых берегов. В одном месте берег был более отлогим. Там запотевшим зеркалом блестяла спокойная вода, — очевидно, вход в бухту. А у входа — Шакула отчетливо видел в бинокль — стояло судно.

Вскоре судно заметалил все. Подбежала Коля.

— Корабль, Мелентий Петрович! Ракеты надо давать. — Его глаза возбужденно блестяли, неуказывая сигнальный пистолет дрожал в руке.

— Обжди с ракетами. Может, японцы, — хмуро сказала Шакула.

Но на судне уже заметалил «Тайфун». Светлый снауз неизменно корабля скользнула вдоль скалы и быстро став прибалкаваться.

— Американцы... А вы говорите, японцы! — воскликнула Коля, засовывая ракетниду в карман хоашечных штанов. — Это же союзники!

За кормой американской шхуны всплел брус, расплылся по воде зеленоватые круги. Длинный белый корабль закатился на волнах в несколько десятков метров от «Тайфуна». Один из моряков, стоявших на мостике шхуны, приахжил ко рту мегафон:

— Ху ар ю?

Эту фразу — «Кто вы есть?» — Шакула знал из ответов.

— Бот «Тайфун», из Петропавловска.

— Американец лед животом на поручни и неожиданно спросил по-русски:

— Кто?

Шакула повторил.

— В чем дело?

— Неисправна машина. Не имею хода. Машина ваша «Мермайнд». Не можете ли помочь? Лоинга колочатая вал... Американец подумал, потом широко улыбнулся и закурил головой:

— Ничего не понял. Говорите больше медленю.

Шакула повторил, отчетливо выговаривая слова:

— Я работаю машина. Нужен ремонт.

— Ремонт? — Американец кинул головой, отшел к своим, потом снова поднял мегафон: — Мы будем буксировать вас к берегу. Там меньше волнение.

На палубе и ны повливался матросы, скрывавшиеся до этого где-то внутри корабля. Поднял буксир. Шхуна медленно потащила бот к острову.

— «М-е-р-м-а-й-д», — разобрал Шакула брызговые буквы на округлой, подрезанной синему корме шхуны. — «Мермайнд» называется. Кто знает, что такое?

Никто не ответил.

У острова и в самом деле было тихо. Бот легко ошвартовался к борту «Мермайнда» и Шакула перебрался на шхуну.

Он шел за переводчиком, с интересом поглядывая по сторонам. Самшом уж много матросов встречалось на палубе. Одеты они были просто, кто во что, больше в туфлистые серые свитеры. Но по тому, как матросы искажились и замрались, прожывая взглядами переводчика, Шакула понял, что команда на «Мермайнд» — воины.

Ступаясь по трещину, проводник распахнул помяванную дверь, жестом предлагая войти.

В кают-компанию было несколько офицеров. Они, видимо, только что зашли сюда и наслаждались теплом. Один, чернокожий, молодой парень, рассказывал что-то смешное: оставив ногу, он делал рукой движение, какая оперный герой предводит цветы своим возлюбленным, и с важной и лукавой физиономией быстро-быстро что-то говорил. Остальные смотрели на него, покусывая сигареты. Вдруг все лица стали серьезными, сигареты исцелись в кулаках, офицеры вскопали и вытянулись.

Почти одновременно с Шакулой, но с противоположной стороны в кают-компанию вошла коренастый человек в зеленой «кандке» с откиннутым кашкетом. Он что-то буркнул. Офицеры вышли, остался только переводчик. Человек в «кандке», прихрамывая подошел к Шакуле и резким движением схватил его за руку:

— Гудвила.

Шакула не сразу сообразил, что это — имя американца, а когда сообразил, знакомился было пошло. Американец уселся в кресло, переводчик стал рядом с ним и набросился на Шакулу с расспросами: «Что за бот?», «Какой груз?», «Куда идет?», «Где штрорывали?». Говорил он очень невнятно, путая ударения, промалывал окружающие слова, но весело и с большим апломбом.

Гудвила не задавал вопросов. Он слушал, скопировал глазоу набок, не поднимая глаз на Шакулу. Только раз удивленно поднял брови — когда Шакула стал рассказывать, как они мучились с солью.

— Солт? — переспросила американец.

— О Яес, солт, — подтвердил переводчик и опять повернулся к Шакуле. — Но это опасно, когда штрим. Почему не выбросить за борт?

— Рыбакм нужна соль, — просто ответил Шакула.

Переводчик быстро заговорил, разводя руками, Гудвила иронически усмехнулся.

— Очень хорошо, очень хорошо, — расценил проговорил переводчик, когда Шакула окончила свой рассказ. Помолчал. Шакула переступила с ноги на ногу. Ему было неважно за свои огромные промокшие сапоги, за грязный ватник и старую шапку-ушанку. Возле его ног на ковре темнела лужица воды, и Шакула искала на нее поглядывая. И почему они не пригласят его сесть?

Гудвила как будто угадала его мысли. Он что-то сказал. Переводчик положил руку на плечо Шакуле:

— Садитесь. Сейчас будет кофе.

— Нет, нет, спасибо. Пойду к себе, посмотрю, что там, — затворился Шакула.

В машине «Тайфуна» ремонт уже заканчивался. Дологивый американец звинчивал последние гайки. Вскоре движок весело затархтел.

Когда Шакула снова вошла в кают-компанию и стала благодарить за помощь, переводчик нетерпеливо перебрал:

— Мы союзники. Это есть наш долг — помогать друг другу. Не упоминайте о бла-

годарности. Мы дали помощь вам, вы будете помогать нам. Капитан тоже будет просить вас об усутье...

Переводчик задумчиво пожевал губами:

— Какая осадка у вашего бота?

Шакула сказала. Гудвила удовлетворенно кивнула.

— Вы видите, бухта? — переводчик развернул на столе карту. — Вход здесь узкий...

«Так вот куда нас занесло!» — подумал Шакула. Как он и предполагал, это был один из безымянных островов Курильской гряды. В этой длинной цепи островов и скал, полумесяцем раскинувшихся между Камчаткой и Японией, лишь крупные имеют названия. Мелкие, а их множество, обозначены на картах просто точками. Но карта, которую развернул американец, была крупного масштаба. Остров, изображенный на ней во весь лист, имел форму неправильного кольца с почти круглой бухтой посередине. В бухту вел узкий, извилистый проход.

— Здесь есть водопад, — говорил переводчик, гляча в черную ниточку на карте. — Хорошая вода. Свежая вода. Нам нужна вода для питья. «Мермайнд» имеет достатку данину. Нам трудно в бухту войти. Капитан просит вас достать воду. Мы дадим мешки. Такие большие резиновые мешки...

— Да бже мой, конечно, привезем! — с готовностью воскликнул Шакула. Он был рад хоть чем-нибудь отблагодарить американцев. Даже пожелал, что просит о таком поступке. — А сколько рейсов придется сделать?

Переводчик пощевачел с капитаном, ответил:

— Три рейса.

— Не сомневайтесь, доставим! — улыбнулся Шакула. — Три так три. А может, больше нужно?

— Три, это будет достаточно.

Отдали конец «Тайфун» медленно отходила от шхуны. Тут впервые на глаза переводчику попалась Катя. Она по носу высунулась из люка и разглядывала «Мер-

Рисунок В. Ронстантинова.

Константин ТЮЛЯПИН

ЗА ШТУРВАЛОМ

Бегут навстречу волны хлеба,
Грачи кружатся надо мной,
А я все вижу чужд в небе
Полярной гавани родной
И крошку уюта причала,
В гранитных латах берега,
Как в море Беренца встречала
В июне снежная пурга.

Когда нора-осты на пять баллов
Волнуют тунные поля,
Я на комбайне у штурвала,
Как у штурвала юрчалка.

Как будто вышел я на вахту,
С друзьями вношу часу дозор,
Ведь с бескозыркой и бушлатом
Я не расстался до сих пор.

Сильны, упрямы в ратном деле,
Сегодня в жизни трудовой
Врага мы держим на прицеле
В любой бригаде полевой.

И где б я ни был, по сигналу
Из рубки боевой Кремля
Я снова встану у штурвала
Под флаг родного корабля.

Бетлица, Калужской области.

Николай ФЛЕРОВ

У ШТАБНОГО КП

Меж камней по знакомой тропе
Я спускаюсь к штабному КП.
Вот скала,
В ней железная дверь,
Что давно уж закрыта теперь.
А бывало, ее открывал,
Выход из КП,
Адмирал
И смотрел, как в дали голубой
Самолеты врываются в бой.
Он отсюда шагал на причал

И подводные лодки встречал.
У КП, где вся гавань видна,
Он вручал морякам
Ордена.

А повисы,
Шагах в десятки,
Только через дорогу пройти,
Иностранной был миссии дом.
Тут иным занимались «трудом»,
Тут печальники, губы поджав,

Офицеры «союзных» держав,
Что советская наша страна,
Перед своей фашистской силой;
Но, печалься, они зловидно
Изучали и гавань, и дно,
Каждый камень на маждо тропе,
И гранитные наше КП.

Я смотрю на железную дверь,
Что давно уж закрыта теперь.
Может, мистер в Нью-Йорке хранит
В фотоснимках
И этот гранит
И еще кой-какие места,
Но ведь местность
Давно уж не та.

Впрочем, ну-ка он сунься,
Проверь—
Мы откроем
Железную дверь.
Не заржавеет,
В дождях не замок
От командного пункта замком;
Да хранит и другие замки—
У орудий своих—
Моряки.

Если враг нападет,
То чьялы
Сбросят мы,
Открывав стволы,
И по-флотски тончайший приказ
Из КП мы услышим тогда.
Северный флот.

май). Переводчик торопливо схватила меграфон:

— Хэлло, леди! Мои лучшие комплименты! Как вам нравится морская прогулка? Катя задумчиво, словно не понимая, полагая на него. Потом затеснялась, отворачиваясь, ударила локтем о стойку, вскрикнула и, окончивательно смутившись, нырнула в лед, закрыв руками перепачканное мазутом лицо. Переводчик послала в след Кате воздушный поцелуй.

— Ай да Катя! Покорила америкоса! — засмеялся на боте.

В бухте было совершенно тихо. Спокойная вода колышала отражение посветлевшего неба и черных скал. «Тайфун» прикнулся к песчаному берегу, спугнув целую тучу длиннокрылых птиц, прятывшихся здесь от шторма, и матросы, застучив по колесу штыри, попрятались за борт.

«Водопад» оказался топким ручейком. Обильные мешки наполнялись медленнее. Последний рейс закончили только к вечеру.

Шакула хотела было еще раз сходить к американскому капитану — попрощаться, но на палубу бота спрыгнул переводчик. Он сказал, что мистер Гудина искренне благодарит за услугу и сообщает, что не может выйти, чтобы пожелать «Тайфуну» счастливого плавания. Закончив эти вкратце фразу, американец засмеялся.

Шакула догадала ему руку. Переводчик кивнул головой, хлопая по спине подошедших матросов, спрашивая, где «ледя».

Наконец «Тайфун» отошел от борта шхуны. Теперь ее палуба была пуста, лишь

на мостике виднелась одинокая фигура в черном плаще.

День угасал. Солнце нагло прогинуло в облаженном тучами небе и выбросило веер медных лучей. Странный свет распространился вокруг. Казалось, сам воздух был насыщен золотистой пылью. Желтые блики поблескивали по морской палубе бота, по лицам людей. Вспыхнули буквы на корме американской шхуны, и сама она стала розово-желтой — грандиозное видение на фоне тусклого неба. Загорелись и погасли стелы льда.

Шхуна двигалась. Это заметил все, но все молчали, не сразу поверив своим глазам. Вот она развернулась, показав освещенный задним бортом. Вот скользнула вдоль льда и скрылась. Скрылась в той самой бухте, где «Тайфун» брал воду и куда, по словам американцев, они не могли зайти!

— Что это они, а?.. Мелантій Петрович? — растерянно спросил кто-то из матросов.

Шакула не ответила. Он был удивлен не меньше других.

— Поди, води не хватало! — предположила Катя. — Постеснялись нас еще разок спрятать... Шакула резко обернулась и смерила Катю взглядом.

— И умна же ты, девушка!.. Иди готовь ужин! — прикрикнул он с неожиданным для него самого раздражением.

Катя дернула плечом и ушла. За ней шли и остальные матросы. А Шакула все не мог оторвать глаз от острова. И только когда погасло желтое сияние и

остров растворился в сумерках, Шакула со злостью сплела за борт, четко повернула голову левое плечо и пошла в кубрик.

Сквозь открытый клапанатор доносятся стук лебедки и негромкие слова команд. Выгружали последние ящики оборудования для радарной станции. Нокс торопился. Он непременно хотел закончить выгрузку ночью.

— А нехочая работенка у вас, Нокс, — сказала Гудина, закурявая сигарету. — Сиди, поглядывая на экран и докладывая начальству...

— Завидуете, Гудина?

— Можно и позавидовать. Все войну просидеть на этом острове! И шкура целая, и денежки на текущий счет идут, да еще, глядишь, и орден получите!

Нокс нахмурился подина брови. Он кивнул, сурчуг на лежавший перед ним пакет.

— Не завидуйте, Гудина, — спокойно ответил Нокс, не поднимая глаз от ошпыленного сурчуга. — И вы получите орден. Хотите вриди ли будете хвастаться перед женой сегодняшним подвигом.

Гудина насторожилась. Прихрамывая, он прошлепал по камням и остановился рядом с Ноксом.

— Мне не нравится ваш тон, милый мальчик. Вы когда переводили мою просьбу, знал не хуже меня, куда посылаете русские.

— Знал, знал! — Нокс с улыбкой похлопал Гудина по плечу. — Не сердитесь, старина. Я подумал.

— То-то. А вдруг вход в бухту действительно был минирован? Иногда и ваши друзья из разведбюро бывают правы. Что тогда?

— Тогда этот бот со всеми парнями и милый мальчик влетел бы на воздух.

— Это лучше, чем если бы влетели на воздух мы с вами, Нокс!

— Бесспорно, бесспорно! — Нокс с размаху шлепнул бронзовую печать по коричневой лужичке сурчуга. — На войне, как на войне, Гудина, не правда ли? И, в конце концов, мы тоже оказали им услугу...

А. Завьялов. Адмирал С. О. Макаров и В. В. Верещагин на броненосце «Петропавловск».

Вдохновляющая тема

Море, его стихия, сопряженный с опасностью героический труд моряков издавна привлекали внимание художников. Из поколения в поколение живописцы обращались к этой теме, создавая картины, изображающие бурные штормы, красочные восходы солнца на море, идущие по волнам белопарусные корабли, морские сражения.

Русские моряки прославились в своих полотнах боевое прошлое русского флота, воспеали и олицетворяли изумительный по красоте морской пейзаж. Советские художники продолжают традиции русского реалистического искусства.

Не так давно в Москве состоялась первая выставка произведений маринистов, свидетельствующая о несомненных успехах художников, о их творческом росте. Советские художники расширили тему морского жанра, основным предметом изображения стал человек, люди, покоряющие морскую стихию. Это и составляет новую, отличительную черту советской морской живописи.

Сегодня «Смена» воспроизводит три работы художников-маринистов.

На обложке журнала помещен этюд «Матросы шлюпочной команды». Его автор, художник студии Грекова П. Мальцев, известен как мастер миниатюры. На выставке маринистов он обра-

тил на себя внимание серией выразительных зарисовок, посвященных морякам Черноморского флота.

Картина А. Завьялова «Адмирал С. О. Макаров и В. В. Верещагин на броненосце «Петропавловск» — бесспорная удача молодого художника. Хорошими живописными средствами раскрывает он образы этих замечательных людей.

Сейчас А. Завьялов трудится над новым произведением, отображающим победу русского флота под Синопом. Художник задумал показать адмирала Нахимова, которому побежденные турки отдадут свои знамена.

Украинского художника-мариниста П. Сулименко знают по ряду талантливых картин. Последняя его работа, «Памятник Севастопольской славы», с большим настроением передает сева-стопольский пейзаж.

...Бурлит штормовое море. Волны с грохотом разбиваются о гранитное основание обелиска, воздвигнутого в честь русских моряков, героев Севастопольской обороны 1854—1855 годов. В то время на этом месте отважные русские моряки затопили свои корабли, чтобы не дать войти в бухту Севастополя вражескому флоту.

В героическом прошлом нашего флота и в сегодняшних замечательных буднях советских военных моряков, совершающих трудные походы, художники-маринисты черпают вдохновение для создания новых картин.

Ив. ТИТОВ, художник.

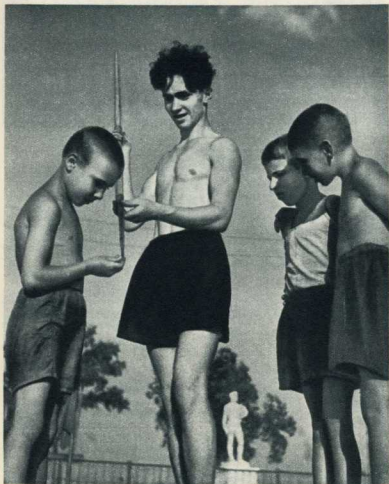

И. СУДЖИКОВА.

Памятник Севастопольской славы.

НОВИЧКИ ПРИШЛИ НА СТАДИОН

Фото А. Моклецова.

Виктор Шубин недавно пришел на стадион, но у него уже есть свои собственные «белешки».

Каждую весну на стадион приходит новички. Пришли они и в этом году. Документация заводского совета общества «Торпедо» свидетельствует о том, что весной 1954 года в спортивные секции при Московском заводе автомобильных автомобилей записались сто пятьдесят молодых рабочих. Этот «весенний поток», как в шутку называли работники стадиона новичков, заставлял их немало потрудиться.

Полтора года юности и девушек, разных по характеру, по физическому развитию, но одинаково горячих, напористых, впервые вступали в спортивную жизнь. С каждым нужно было познакомиться, выяснить его желания, наклонности. Именно в эти первые дни особенно важно было подсказать правильный путь начинающему спортсмену, посоветовать, каким видом спорта следует заниматься новичку, приучить его к спортивной дисциплине.

Нетерпеливо поглядывают новички на тренера Леонова, который заносит в журнал их фамилии. Но все будущие спортсмены построены. Выясняется, что большинство из них желает заниматься легкой атлетикой. Почему? Вечерние к этому виду спорта

объясняются просто: недавно физико-техникусы проводили массовые внутрицеховые легкоатлетические соревнования, которые привлекли внимание рабочей молодежи. В рамонтно-механическом цехе первенство в беге на 100 метров завоевала комсомолка Нина Белкина. Результат, который показал слесарь этого же цеха Анатолий Волков, явился неожиданным даже для него самого — он преодолел стометровку за 12 секунд. Нина и Анатолий пришли на заводской стадион, твердо решив заниматься легкой атлетикой.

Поглядая на высокого с сильными руками Анатолия Волкова, тренер подумал, что именно такими руками хорошо метать копье, но силу и возможности юноши нужно проверить на тренировках.

Тренер Леонов выводит группу новичков на беговую дорожку, подает команду. Новички побежали, размахивая руками. Им казалось, что они бежали быстро, но к финишу пришли только через 13 секунд. Оказывается, не так просто пробегать стометровку. Потребуется масса упорных тренировок, пока появится выносливость, скорость, красота бега. Попробовав свои силы в этом

Тренер Василий Леонов помогает новичку исправить ошибку.

забеге и Анатолий Голубенков, невысокий паренек из цеха шасси. Раньше он подучивал у товарищей, которые увлекались спортом. Не раз, увидев на соревнованиях знакомого парня, Анатолий кричал ему: — Эй, друг, погоди! Дей-ка прыгнешь!

А сейчас сам заинтересовался спортом, показал неплохие результаты в беге и прыжках.

Порекомендовал тренер и остальных парней и девушек. Александра Прилесская уверенно пробежала 200 метров, а затем хорошо

прыгнула в высоту. Когда Нина Комова метнула диск, кто-то из зрителей присвистнул.

— Ну, теперь Нина Дубабада может прочесть с рекордом!

Возбужденные первыми успехами, новички все увереннее, с большей охотой решались на бег, прыжки, метание. А это было главное — молодежь освоилась, поняла, что на стадионе научат, помогут.

В этот день не только на беговую дорожку пришли новички. Тренер по волейболу также ознакомился с пополнением. Уже пер-

Соволят спортсмены

Занимайтесь спортом!

Хочется рассказать молодежи о том, как спорт помог мне в жизни. В августе 1941 года шши упорные бои против гитлеровских захватчиков. В одном из боев я получил тяжелое ранение в ногу. Разрывная пуля разрушила бедренную кость. Из госпиталя я выплылся лишь через полтора года. Левая нога стала на четыре сантиметра короче правой. Врачи посоветовали мне немедленно делать массаж и заниматься легкой гимнастикой.

Превозмогая боль, я настойчиво тренировал ногу, возвращал ей утраченную подвижность. Правда, сначала моя гимнастика мало походила на настоящую, спортивную, которой я очень любил заниматься до войны.

Через некоторое время я решил продолжить тренировки в спортивном зале. Первая проба была малоудачливой, но я не унывал. Постепенно втянулся, привык и физической нагрузке, окреп. Хотя нога часто давала о себе знать, мне все же удалось добиться некоторых спортивных успехов, а через четыре года — в 1946 году — я стал гимнастом-первоарядником и впервые участвовал в республиканских соревнованиях.

Без преувеличения скажу, что занятия спортом помогли мне стать на ноги, в полном смысле этого слова. Сейчас, хотя мне идет четвертый десяток, я чувствую себя бодрым, здоровым, полным сил и энергии. В прошлом году занял значок отдаленные Ленинградского ордена Ленина института физической культуры имени Лесгафта. Теперь работаю тренером, передаю свой опыт молодежи.

Мне, как тренеру, очень приятно видеть, с каким большим желанием занимаются юноши и девушки, повышают свое спортивное мастерство. Вместе с этим они укрепляют свое здоровье, ибо нет лучшего для этого средства, чем спорт.

И. БОНДАРЕНКО,
тренер по гимнастике.

г. Ленинград.

вые испытания у сети выявили трех способных юношей: фрезеровщика Олега Сомина, слесаря Давида Фарберга и мастера Юрия Зайцева.

Высокий, плечистый Олег Сомирин прежде играл только в дворовый, или, как их называют, «дикий», команд. Там он приобрел определенную спорку, но подлинную школу игры получит здесь, в спортивной секции. Юноша хорошо понимает, что ему еще много надо заниматься, и не обижается, когда кто-либо из опытных игроков указывает на ошибки.

ристские походы: здесь созданы две мужские и одна женская волейбольные команды, есть футболисты, городошники, легкоатлеты, пловцы. Они соревнуются с физкультурными инструментального чиза. Чтобы поддержать спортивную честь своего коллектива, многие из них и пришли на стадион.

После первой тренировки новички оживленно обсуждали свои первые выступления. Приятно ощущать усталость в мышцах и чувствовать, что ты одержал победу хотя бы маленюкую победу. Если

Фото А. Переходина.

ХОРОШИ НОЧЕВКИ В ЛЕСУ!

Красивая небольшая речка Уча. Непрогуляно вьется она меж холмов. В одном месте к ее берегу спускается сосновый бор, а чуть дальше над водой

лежким мастерами! — говорит модельщик Алексей Ильяш, улекаяющийся живописью.

...Прошло двенадцать километров. Пора делать привал. Да, кстати, вряд ли можно найти лучшее место: зеленая поляна упрямится в осыновый бор, рядом плещется Уча; дрова и вода под руками, да и ветвей для постели сколько угодно.

Пока ставили палатки, «экстренов» Николай Горелов развел огонь. Причудливые тени заплывали на траве. Время за помножь. Участники похода давно легли бы спать, но от костра доносится неприятный запах каши. После переклада особенно хочется плотнее постель.

стоят гибкие березы, словно любящие своим отражением. За прибрежной осыкой слышатся крикающие уток...

В эти места и направился в один из выходных дней металлурги завода «Сери и молот», совершающие почти каждую субботу туристские походы по маршрутам Подмосковья.

Что может быть лучше отдыха в палатке на берегу реки или в березовой роще? После работы у пылу жаром мартеновских печей приятно почувствовать прохладу вечернего леса. Здесь по-настоящему отдохнешь, наберешься новых сил.

До станции Лобья заводские туристы доехали пригородным поездом, когда солнце уже садилось. От станции они отправились в лес, который темней поодаль неясной полосой. За лесом на их пути лежало небольшое село Федоскино, славящееся мастерами живописи.

Тихо, лишь изредка звякнет котелок, да откуда-то доносится свист машинки; из лесу веет свежим смолистым запахом.

Вот и Федоскино. В некоторых окнах еще горит свет. Кто знает, может быть, какой-нибудь мастер заканчивает сейчас новую необыкновенную шкатулку.

— Федоскинцы не уступают па-

Ужин скоро будет готов!

Хороши ночевки в лесу! Разве можно еще найти где-либо такую воздух, пахнущий смолой и свежескошенным сеном, такую вкусную кашу, в которой даже прикус дыма приятен, а запах ароматного чаю, заваренного смородиновыми листьями?!

После ужина все сразу крепко уснули. Дежурный по лагерю Геннадий Смирнов напрасно пытался разбудить спящего смежника и Ивана Бойцова; тот спал, что называется, богатырским сном.

— Хотя из пушки стреляй! — улыбается Геннадий. Ему самому спать не очень хочется, да, кстати, есть чем занят-

Тренер-общественник Геннадий Вульф показывает волейболистам, как правильно принимать мяч.

Большинство юношей и девушек на стадион привел тот азоровый дух соревнования, который царит среди заводской молодежи. На заводе есть цехи, которые называют «спортивными». Вот, например, цех шасси. Еще в начале лета триста молодых рабочих этого цеха побывали в ту-

хватит воли и терпения систематически заниматься любимым видом спорта, маленькие победы станут большими. Проходят арены, и в эти же голубые ворот стадиона нынешние новички выйдут сильными, закаленными спортсменами, готовыми к труду и обороне.

Говорят спортсмены

Лучший отдых

Часто мне приходится слышать от некоторых людей подобие такие слова: «Очень хочется заняться спортом, да вот времени не хватает, все некогда... Я не могу согласиться с этим. Если человек действительно любит спорт, он всегда найдет возможность хоть несколько часов в неделю уделить любимому делу.

Вот я, например, работаю на одном из заводов телевизионно-аудионом. Работа серьезная, требующая внимания и напряжения. Естественно, к вечеру сильно устаешь. Однако стоит мне пойти на стадион, пробыть там полчаса — и усталости как не бывало.

Заниматься спортом начала я еще в 1959 году, когда сакала нормы на значок ГТО. После каждой тренировки и испытывая приятное чувство бодрости. Было становилось здоровее и сильнее.

Спорт закаляет человека, развивает его физически. В то же время это лучший отдых. Почти все свободное время я провожу в секции легкой атлетики. Неоднократно принимала участие в различных соревнованиях. В барьерном беге на 80 метров мне удалось завоевать звание чемпионки Московского городского совета профсоюзов, а за прыжки в длину мне присвоено звание мастери спорта.

Тамара ФИНОГЕНОВА,
мастер спорта СССР.

ся; почему бы при свете костра не почитать книгу?

...На востоке адалево. Молочым покровом стелется туман, уползая с наскжженных за ночь мест. Все словно замерло в ожиданиях первых лучей солнца, только птицы ведут шумный разговор.

Токар Александр Кузнецов прыжк встать рано. Он и здесь проснулся раньше всех, сменил Геннадия Смирнова. А когда из-за вершин сосен выглянуло солнце, в котелках, подвешенных на крыльях рогуляк над костром, уже варился завтрак.

раньше была адалеж, сейчас ветер колыхнет тушны ерсы. Стадо сельхозартели «Путь к коммунизму» заметно увеличилось.

В Учинской бухте на берегу Пяловского водохранилища в выходные дни трудно отыскать место для палатки, так много здесь отдыхающих. На этот раз соседями металлургов оказались студенты медицинского и авиационного институтов. Будущие самолетостроители известны как отличные баскетболисты и волейболисты. Мяч всегда с ними.

Пока «кашевары» готовили

Хорошо поиграть в волейбол на лесной поляне.

Поднялись участники похода. Они хорошо отдохнули, настроение у всех бодрое. Только Иван Бойцов ворчал на Геннадия Смирнова: почему, мол, не разбудили.

Ребята по достоинству оценили завтрак, приготовленный Александром Кузнецовым. После завтрака решили пойти к Пяловскому водохранилищу. Для опытных туристов снять и уложить палатки — минутное дело, и вскоре от ночного костра остался лишь потухший костер.

Проходя по берегу Учи, металлурги заметили, что не они одни останавливались здесь на ночь. Туристы других предприятий столицы тоже проводили выходной день в походе.

Алексей Ильян был в этих местах не раз. Он первый заметил, что неподалеку от Фелюскино, где

обед, металлурги успели проиграть студентам три партии. Зато шахматистка завода «Серп и молот» техник Саша Агальцева «разгромляла» студентку Валю Иванову.

На свежем воздухе размиргается аппетит, и многие задолго до команды на обед весьма красноречиво поглядывали в сторону костров. Но вот обед закончен. Пора в обратную дорогу. Солнце клонится к закату, а до станции Луговой надо пройти еще тринадцать километров.

...На Савеловском вокзале металлурги расстались со своими потухшими — студентами. Одохнувшие, загорелые туристы расходились по домам. Завтра снова на вахту. Стране нужна сталь.

А. СЕРГЕЕВ

Любители шахмат и в походе находят время сыграть партию.

Говорят спортсмены

Фото Р. Щербакова

Основа успеха

Часто нас спрашивают: как мы сумели добиться мастерства в парных акробатических упражнениях? Наиболее точный ответ будет: спортивными трудолюбием.

Мы рослинки, каждому из нас двадцать два года. Спортсмен начали заниматься двенадцать лет назад. С благодарностью вспоминаем мы сейчас преподавателя физкультуры 57-й новосибирской школы. Он сумел с детства привить нам любовь к спорту, привил творчески работать над повышением спортивного мастерства.

Иногда говорят: для того чтобы стать спортсменом высокого класса, надо обладать каким-то особым, «врожденным» качеством. Это неверно. Наш опыт показывает, что почти все качества спортсмена может развить у себя упорной, настойчивой тренировкой. Силу, ловкость, решительность, выносливость, чувство равновесия мы вырабатывали в себе систематическими занятиями.

В 1952 году мы завоевали почетное звание чемпионов Советской Армии, стали мастерами спорта. Но плавать с различными спортивными составами мы ухажали победителями.

Наш совет молодежи: настойчиво совершенствоваться в избранном виде спорта, постоянно трудиться, повышайте свое мастерство. Трудолюбие — основа успеха!

Владимир и Борис ВОРОНИНЫ,
мастера спорта СССР.

г. Новосибирск.

Стать спортсменом никогда не поздно

Мне сейчас 68 лет, но чувствую себя довольно бодро. Такое состояние здоровья я сохранил благодаря физическим упражнениям, которыми стал увлекаться еще в юношеские годы.

Никогда я не занимался одним каким-либо видом спорта. Любил погонять, поиграть в футбол, в городки. И плавание тоже было моим любимым занятием. Правда, плавать я, как придется, чаще всего «самоуверенно», о стилях и понятии не имел. Да и удивляться этому нечего. Ведь в старые времена спортсменом становился случайно. От кого я, рабочий паренек, мог ждать помощи, в этом деле?

А как я любил охоту! Кто бывал зимой в окрестностях Налуги, тот знает, какое там раздолье для охотника. Встанешь на лыжи — и в лес. Исчислешь километров двадцать, подстрелишь пару зайчишек, а ты и мушкетеру-лису на мушкетеру возмашешь. Усталый возвращаешься домой. Но зато как хорошо чувствуешь себя, сколько удовольствия получишь! А на другой день и работа спорится и настроение отличное.

Занимался спортом и сейчас. Конечно, в футбол уже не играю, но физзарядку делю аккуратно наизре утро. Мне хочется сказать, что напрасно некоторые молодые люди пренебрегают утренней гимнастикой. Она дает зарядку на целый день.

Благодаря спорту я еще и не думаю записываться в старину. Недавно выполнил норму II разряда по стендовой стрельбе, работаю тренером-общественником, являюсь членом бора спортивного коллектива нашего цеха.

Занимайтесь, молодые люди, физзарядкой: это большая польза для здоровья!

Фото В. Бровко.

Г. СОЛНЦЕВ,
столар 7-го разряда.

НА СТАНИЧНОМ СТАДИОНЕ

Фотоочерк Е. Васильева и А. Узляна.

1. Широко раскинулась в кубанской степи старая казачья станица Усть-Лабинская. С каждым годом все больше становится она похожей на город. Кроме большого и богатого колхоза «Кубань», в станице имеются несколько промышленных предприятий, школы, педагогического училища, Дом культуры, два кинотеатра, хороший станичный парк.

Недавно в Усть-Лабинской открылся стадион, рассчитанный на шесть тысяч зрителей. Нельзя было оставаться дальше без стадиона: ведь в станице тридцать два низовых физкультурных коллектива. И хотя считается, что стадион принадлежит спортивному обществу «Искра», строила его вся станичная молодежь.

Теперь есть где тренироваться, проводить соревнования. Вот из ворот стадиона выбегает группа физкультурников. Они ускакивают к первому летнему кроссу.

2. Легкая атлетика — один из самых увлекательных видов спорта. Сейчас на стадионе тренируются физкультурники местного маслозавода. Бег на 100 метров требует от спортсмена напряжения всех сил. Сразу же со старта рывок к финишу! Только тогда можно стать победителем.

Станичные спринтеры — бегуны на короткие дистанции — мчатся вперед. Упорная спортивная борьба на дорожке.

3. Первым коснулся финишной ленточки комсомолец Николай Морозов, рабочий маслозавода. Тренер поздравляет его.

4. А вот тренируются студенты педагогического училища. Чтобы стать хорошим прыгуном, нужно проявить много настойчивости и упорства. Но легкоатлет знает: чем труднее на тренировках, тем легче будет добиться победы в соревнованиях!

После энергичного разбега спортсмен хорошо оттолкнулся от планки. Если он удачно приземлится, результат будет неплохим!

5. Не так-то просто метнуть копье! Для этого надо быть не только сильным и ловким, но и владеть техникой метания.

— Пуская копье в воздух усилием всего тела, а не одной лишь руки, — напоминает молодому физкультурнику Володе Полушкову инструктор стадиона Михаил Волошин.

Диплом тренера Волошин получил только в прошлом году. Приехав после окончания института в Усть-Лабинскую, он всей душой отдался работе среди станичных спортсменов.

6. «Резкий удар, прыжок вратаря...» Футбол в станице пользуется большой популярностью. Лучшая команда — команда маслозавода. Она с успехом выступала не только в соседних станицах, но и в Краснодаре, Новороссийске и других городах.

Однако усть-лабинские футболисты не обольщаются достигнутыми успехами. Нужно упорно тренироваться и дальше. Это отлично понимают все члены команды — от центрального нападающего до вратаря.

7. Для победы в футбольном состязании очень важен правильный тактический замысел. Футболисты вместе со своим тренером разрабатывают план ближайшей игры. «Как бы нам оттянуть назад полусредних противника! Этот вопрос пока не решен.

8. Маслозаводцы — хорошие легкоатлеты, сильнеешие в станице футболлисты. Но зато никому не уступят первенства в кавалерийской спорровке, в ловкости и ловкости колхозные конники-спортсмены. Уже несколько лет при колхозе «Кубань» существует кавалерийский клуб. Скачками и джигитовкой увлекаются не только парни, но и девушки. Среди выезжавших на тренировку конников-спортсменов вторая справа — Надя Гомеинина, колхозный агроном. Она не раз выступала и на республиканских соревнованиях, где добивалась отличных успехов.

9. В дни соревнований трибуны стадиона заполнены зрителями. Станичные «болеельщики» подбадривают атлосметантами спортсменов, выступающих на беговой дорожке.

10. Вечерет... К самому горизонту уходит бескрайние поля. С пригорка, на котором располагалась станичная молододжь, видно, как тихая Лаба несет свои воды и широкой Кубань. Хорошо отдохнуть после тренировки, подышать ароматом трав и созревших хлебов, спеть широкоую, как эти просторы, песней! Дирижирует хором Маша Бурин, заведующая Домом пионеров, чемпионка Краснодарского края среди колхозных физкультурников в беге на 100 и 400 метров.

А завтра, после работы, мы снова увидим многих из этих девушек и парней на стадионе. Спорт прочно вошел в жизнь и быт кубанской станицы.

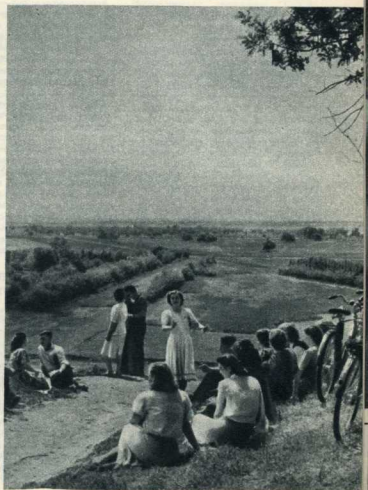

Фото В. Александрова.

У ПРИЛАВКА СПОРТИВНОГО МАГАЗИНА

ВМЕСТО ФЕЛЬЕТОНА

ПЯТЕРО В ОДИНАКОВЫХ КОСТЮМАХ

Успешную сдачу экзаменов решено было отметить коллективной поездкой в Серебряный Бор. С веселым шумом компания из пяти девушек и троих юношей появилась на подмосковном пляже. Каждый, кто был здесь, невольно замечал нас: какие все юные, стройные, красивые!

Робота сбросили верхнюю одежду и кинулись в воду. Когда же приготовились купаться девушки, оказалось, что все они одеты в одинаковые купальные костюмы — мрачные по цвету и очень небрежно сшитые.

Люди, находящиеся на пляже, высказывали предположения:

— Может быть, они из цирковой училища и у них такая униформа!

— А может, они из одного спортивного общества и им выданы одинаковые купальники!

Но нет! Девушки эти были из разных школ, и купальники они купили в разное время, заранее готовясь к условленной встрече в Серебряном Бору.

Где же продаются эти нелепые, рвущие глаза вещи? Кто поощряет дурные вкусы неуказанных руководителей фабрик и артелей, выпускающих этот уродливый «спортивный товар»?

Пойдем по следам юных покупателей.

Улица Горького, 41, магазин «Динамо» — крупнейший в столица

ма магазин спортивных товаров. Как говорится, чего здесь только нет. И купальных шапочек нет, и тренировочных легких шаровар нет, и мягких кожаных туфель, и велосипедных камер, и мячей для настольного тенниса тоже нет.

Перед прилавком трикотажного отдела мы застали трех молодых покупателей: Надю Титкову, Галю Иванову и Галю Штыкову. Молодые спортсменки спешили сюда из разных концов города в надежде подобрать хорошие купальные костюмы, но продавец Соня Сафина смогла предложить им только один малоразмерный образец. Кстати, в магазине имелись купальные костюмы не только одинаковые по расцветке, но все одного размера.

ЗАЧЕМ ЛЕТОМ ЛЬНЯНЫЕ БОТИНКИ?

В разгаре лета вы можете наблюдать, как в Москве, в магазине «Динамо», продавцы предлагают покупателям льняные костюмы. В ответ на просьбы юных москвичей, желающих приобрести сетчатые шаровары или плавки, продавцы только разводят руками.

— Заходите в другой раз!

А в это время директор магазина Игорь Александрович Желубовский отрезает по телефону очередной натиск ретивых поставщиков-козистовников, предлагающих зимние спортивные това-

лефон опять звонит: сообщают, что магазину отгружена новая партия льняновых костюмов «Мелита льняная»...

И вот мы беседуем с одним из поставщиков этого принудительного в знойное время года ассортимента продукции — директором трикотажной фабрики «Динамо» Любовью Михайловной Коломенской.

В ее кабинете столкнулись представитель производства, директор магазина И. А. Желубовский и покупатель — преподаватель Московского текстильного института Н. Я. Шполнский.

— В прошлом году вы демонстрировали хорошие образцы трусов с отделкой, тренировочных брюк, купальных костюмов, в которых чувствовалась выдумка модельера. Где все это? — спрашивает покупатель.

— Мы тут ни при чем! — отвечает директор фабрики. — Предъявите претензии директору магазина. Почему он не сделал запас, когда мы могли его завалить шароварами?

Завязывается острый разговор, который мы попытаемся передать почти дословно.

Директор магазина (взволнованно):

— У меня нет лишнего склада! Запомните: это магазин, а не торговая база.

Директор фабрики: — Да, но нам спустился план на пошив льняных костюмов летом, значит, шей — и точка!

Покупатель: — Но ведь вы взрослый человек. Вы же понимаете, что это головастик! Нормальн. нам не дороги интересы советского покупателя!

Директор фабрики молча разводит руками...

ТУРНИР ОТМЕНЯЕТСЯ

Во дворе дома № 4 по переулку Садовым мы забавлялись превосходной спортивной площадкой. Собственно, это даже не площадка, а стадион в миниатюре: здесь можно играть в теннис, баскетбол, волейбол и даже успешно тренироваться фут-

— Ну зачем мне сейчас льняные ботинки? Их у нас и так много скопились! Дайте нам детские гимнастические туфли или, в крайнем случае, римские белые резиновые тапочки выше 38-го размера. Нет!.. Очень жалко!.

Директор вешает трубку, но те-

— Ну и качество! — горючает центр нападения заводской команды. — Еще и гола не успев забить новыми бутсами, а они уже развалились.

болістам. Замечательную инициативу проявили живущий в этом доме мастер спорта Мищенко и его юные друзья, создавшие этот стадион.

Недавно ребята задумали провести турнир по настольному теннису. Соревнование было в самом разгаре, болельщики оживленно комментировали борьбу, как вдруг тренула целлулоидный шарик.

— Последний, — мрачно взрекри игрок. — Настольный теннис можно запрятать в ящик: шарика нигде не купишь.

Простая вещь — целлулоидный шарик, а купить его действительно негде. Нет и ракеток.

ства. И только по вине некоторых близоруких хозяйственников порой трудно найти в магазинах необходимые вещи спортивного обихода.

ОБИДЫ МОТО-ВЕЛОЛЮБИТЕЛЯ

К прилавку мото-велоотдела магазина «Динамо» протиснулася Аня Одренко, ученица 8-го класса из Староскопского района, Белгородской области. Эта девушка приехала в Москву с матерью и поспешала в спортивный магазин, о котором так много слышала хорошего, чтобы купить

— Почему едешь без звонка? — спрашивает юного велосипедиста милиционер. Ему нет дела до того, что звонки давно уже не появлялись в продаже.

Наша промышленность производит спортивный инвентарь и оборудование в таких размерах, каких не знает и не может знать ни одна другая страна. Государство затрачивает на массовое развитие физической культуры советского народа огромные сред-

отцу поршневые кольца для его мотоцикла «М-72». Однако продавщица Лидя Елишова не смогла порадовать девушку: колец нет! Московский школьник Славя Решетников, стоящий тут же, и прилавка, вступает в разговор:

Старт дан! Скутера, оставляя пенный след, стремительно кривяноцтса за поворотом реки. Шум мотора затихает, но через несколько минут нарастают снова: гонощии повернули обратно, и финишу. И вот уже судьи и зрители видят вырывающиеся далеко вперед желто-красное суденышко. Кажется, что оно летит по воздуху.

Тонку заканчивает скутер «М-58», — объявляет судья-информатор. — На нем выступает мастер спорта Василий Жирок.

— Мало кто из зрителей знал, что этот скутер сконструирован и построен самим гонощииком. Конструкция нового скутера выгодно отличается от ранее известных тем, что при движении на высокой скорости он почти не испытывает сопротивления воды. Поверхности верды скутера касаются всего тремя точками: днище: двумя планками, выступающими по бортам; и кормовой частью. Поэтому скутер конструкции Жирова назвали «тракторчешными».

Со дня первого испытания нового скутера прошло около трех лет. За это время Василий Жирок установил на нем пять рекордов Советского Союза. Молодой мастер спорта одержал эти победы и как спортсмен и как конструктор.

К. КОСТИН

— Поршневые кольца! Чего захотели! Я который день звоню для велосипеда иду. Нехитрая вещь, филиал ЗИСа выпускает, а поди достань...

Другой школьник, Юрий Позин, жалуются на то, что сейчас нет в продаже велосипедные рамы, хотя зимой их было сколько угодно. Как жаль, что рама его велосипеда марки «ХВЗ» лопнула именно гатер», в незанятый заводом время, а разгар лета!

Недавно в газетах появилось сообщение о выпуске заводами новых подвесных лодочных моторов. Раболовов это сообщение обрадовало: действительно чудесная штука — одноцилиндровый и двухтактный двигатель внутреннего сгорания с водяным охлаждением, бесшумный, небольшого веса, простой по конструкции... Но в продаже этой чудесной штуки нет уже с апреля...

В кабинете директора магазина мы застави представителя Казанского машиностроительного завода. Он предлагал организовать в

магазине консультацию по правлям эксплуатации лодочного мотора «ИМ-1». Директору пришлось вежливо отказаться, ибо такая консультация была бы похожа на лекцию из анекдота «Как подковать лошадей, не имея ни лошадей, ни подковы».

Слишком долгое время спокойно взиралю на все эти «неуважкия» в торговле спортивным товарамы работники торгова-производственного отдела Московского городского совета «Динамо! Олимпийское спокойствие продолжают сохранять и в комитетах по физической культуре и спорту.

Сейчас создан Госспортторг Министерства торговли СССР. Торговля спортивными товарами, несомненно, будет упорядочена, но мы исполняем: времени для раскочки нет, лето проходит, а юные физкультурники до сих пор не видят на полках спортивных магазинов красивых, добротных спортивных товаров.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

История одного лаврового венка

Тент В. Гранова и Мих. Пустинина.

Рис. Ю. Уабякова.

Спортсмен рекорд поставил новый И получила венок лавровый...

И в тот же день, как получил, На саванки лаврах опочил.

Наш рекордсмен остепенился, Он пополнил и округлился. Все удивлялись: «Что такое? Жирном оброс он на поносе!»

Затем, предвидя гонорары, «Гарды» засел за мемуары И стал писать, утратив пыл, «О том, как я... спортсменом был».

затем сходится снова — теперь уже для борьбы.

Этот древний вид спорта называется голеш. Сохраняя национальную форму, он располагает арсеналом многообразных приемов. В борьбе допускаются пощипки и захваты. Выигрывает тот, кто бросит противника на спину и удержит его в таком положении. Раньше схватка продолжалась до тех пор, пока один из борцов не добьется, как говорят, чистой победы. Теперь время соревнования ограничено до пятидесяти минут. Но как только, если за этот отрезок времени никто из соперников не будет брошен на ковер? Тогда победу присуждают более ловкому и сильному, тому, кто применил больше приемов. За этим внимательно следят судьи — один на ковре и трое по бокам.

Голеш популярен в Азербайджане. В календаре спортивных встреч, проводимых в республике, соревнования по народной борьбе занимают одно из ведущих мест. Предусмотрены состязания на первенство республики, районов и городов.

Последние соревнования по голешу на первенство республики были проведены осенью прошлого года в городе Нухе. За первое место мастера должны были бороться более семидесяти сильнейших борцов. Среди них были и мастера спорта и совсем молодые борцы, впервые вышедшие на ковер. Отлично боролась молодежь: разношерстные технику и хорошую силу продемонстрировал нухский колхозник Г. Керимов, бакинский нефтяник А. Азизов, участник команды Нагорно-Карабахской автономной области Г. Есаян.

Как всегда, с успехом выступили мастера спорта М. Бабаев, братья Дадашевы, Р. Мамедбеков. Все они давно уже выступают на соревнованиях, но каждый раз встречает упорное сопротивление молодежи. А иногда мастера уходят с ковра побежденными. Это их не особенно удивляет, ибо свой опыт они передают молодежи в секциях национальной борьбы. Молодых способных борцов становится все больше и больше.

К. КИКНАДЗЕ

г. Ваку.

Фото М. Вадасвиля.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВИДЫ СПОРТА

ГЮЛЕШ

В дни народных празднеств в городах и селах Азербайджана сходится померяться силой борцы — голешаны. Одевшие в яркие шаровары, они выходят на середину ковра и выполняют традиционный ритуал взаимного приветствия, трижды ударяя друг друга грудью. Раздаются веселые, побуждающие звуки зурны, дудки и барабана. Вскладывая вверх руки, спортсмены совершают танец-разминку, а

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО СПОРТА

СОРОК ПЯТЬ ВЕРСТ ВПЛАВЬ

Летом 1911 года английский спортсмен Томас Бургес переплыл пролив Ламанч, установив этим самым мировой рекорд дальности проплыва — 32 версты. До Бургеса подобной соотечественнику Вэббу удалось переплыть Ламанч, но это событие не было отмечено как выдающееся спортивное достижение.

Многие спортивные соревнования, долго не сходя со страниц газет, Король Великобритании наградила рюкзачком и сумкой. В адрес Бургеса поступило столько поздравительных телеграмм, что впоследствии он составил из них объемистую книгу.

О рекорде англичанина узнала и преподаватель бакинской мужской гимназии Леонид Алексеевич Романченко. Это был богатый русский помещик, человек, слышавший в городе неутошимым пловец. Оказавшись в бурную погоду он пустился вплавь до острова Нарген, что в двенадцати верстах от Баку, и благополучно достиг цели.

«Ученый англичанин — в своем деле сильный пловец, мира?» — спрашивал себя Леонид Алексеевич и решил побить рекорд Бургеса.

Романченко начал приучать свой организм к различной температуре воды, плавая каждый день утром и вечером при любой погоде.

Прошел год, 23 июля 1912 года баркас «Нобель» имени князя Гюльшана, владельца спорта, представителей печати и четырех грецов, отправился к месту старта. Больших трудностей стоило выложить этот баркас у судыбыля.

Леонид Алексеевич сильно нервничал перед проплывом и, только прыгнув с баркаса в неприятельные воды Каспия, успокоился. Верતા в тело мазь предохраняла кожу от раз-

едания, челки с очками закрывала уши, глаза. На шею у лямки висела маленькая сирена. Ее сигнал возвестил о начале проплыва.

Это было в 9 часов 35 минут вечера. К ночи разгрянул ветер. Он дул с моря, принимая спортсмена в бегущий вихрь. Романченко шлопу, плывец едва разглядел, не встал ли перед баркасом шедшего вперед. Это грозило потерей курса.

Прошел еще несомненно час. Уже устали гребцы, борясь с непогодой. Романченко все плыл дальше. Он отключал, только лямка на спине, во время приема пищи. Его норма — с лодки. По условиям проплыва, Романченко не должен был наступать шлюпки руками.

Под утро ночью ропот окончательно вывихивший из сил гребцы. В Ровенчине в 9 часов 45 минут 24 июля 1912 года. Романченко проплыл тридцать пять верст. Кто-то из баркаса начал угрожывать сплывшему закончить проплыв, но Леонид Алексеевич только ответил: — Вперед!

Через несомненно час показался Баку. Несомненно миге проплыв был закончен в 9 часов 45 минут 24 июля 1912 года. Романченко проплыл тридцать пять верст. Родина первая мировой рекорду по плаванью.

На берегу сирельца встретила толпа радостных зрителей. Они преподнесли герою букет цветов.

Б. ИСАЕВ

Говорят, для того, чтобы стать спортсменом, нужно иметь хорошие физические данные. Без них будет трудно достигнуть более или менее заметных результатов.

Так ли это?

У Ардагона Игнатьева, молодого школьника из села Тобейлы из Чувашской республики, Чувашской АССР, многообещающих данных не было. В детстве он любил поиграть в «догонялки». Да ведь кто на ребят не любит побегать? Зря же все доносит детское увлечение до взрослых лет. Но Ардагону не забывало о беговой дорожке, даже когда работал учителем в школе.

В октябре 1951 года его включили в состав команды Чувашии, которая ездила в Одессу на Всесоюзные соревнования сельских спортсменов. Это были первые крупные соревнования, в которых участвовал молодой бегун. Он еще не мог как следует взять старт, имел весьма неопределенное представление о тактике бега, но ему страстно хотелось выйти победителем. И вот в забеге на 400 метров он пришел первым. Так Ардагон Игнатьев стал чемпионом общества «Колхозник».

Весной 1952 года Игнатьев включили в спортивную команду страны для участия в XV олимпийских играх. В дни, когда советские спортсмены готовились к играм, он немало пробегал четырехсотметровую дистанцию, но успехи его были пока скромными. Ленинградский тренер Николай Александрович Зайцев, занимавшийся с молодым легкоатлетом, постепенно давал ему все более сложные задания, приучая чувствовать ритм бега, стремительно брать старт. На контрольных соревнованиях неожиданно выяснилось, что Игнатьев добился гораздо больших успехов, чем известные мастера.

У финиша он всегда был в числе первых. Много нового молодой бегун узнал на олимпийских играх. Он много наблюдал за выступлениями спортсменов других стран, подмечая полезные для себя. И вот Ардагон вышел на старт четвертьфинала, желая одержать победу, казалось, предвзято сильное и мускулистое. В первые же секунды бега он обошел одного соперника, другого... По рукопожатиям и радостным улыбка друзей он понял, что пришел к финишу первым. Он выиграл и четвертьфинальный забег, установив новый всесоюзный рекорд в беге на 400 метров — 48 секунд. Однако в полуфинале, когда на дорожке вышли лучшие бегуны, Игнатьев к финишу пришел пятым.

Что же случилось? Игнатьев оказался, будто он вырвался со старта раньше остальных судьи, и он на секунду остановился, а когда продолжил бег, наверстал упущенное было уже невозможно. Ошибка ставила дорожку.

В прошлом году Игнатьев выступал на IV Всесоюзном фестивале молодежи в Бухаресте. Там пришлось померяться силами со многими опытыми бегунами. На этот раз Ардагону пришлось пробежать 400 метров с рекордным временем — 46,8 секунды. Новый рекорд СССР был установлен им в беге на 200 метров.

Прошлой осенью Игнатьев поступил учиться в Ленинградский педагогический институт, о заметный спорт не прервал. Несколько раз он выступал в состязаниях, проводившихся на ленинградском зимнем стадионе.

В мае нынешнего года на Киевском стадионе имени Н. С. Хрущева состоялась сильнейшие спортсмены РСФСР, Украины, Белоруссии, Москвы и Ленинграда. Среди участников был и Игнатьев. На финише он снова был первым.

Победа Ардагона Игнатьева — результат упорного труда, благодаря которому он стал одним из лучших спортсменов СССР и Европы.

Б. КОСВИНЦЕВ

Ардалион Игнатчев на старте.

фото А. Бурдукова.

М. Стриженов. Чужие.

Картина, заставляющая мыслить

Жанровые произведения живописи всегда привлекали к себе общественное внимание, служили поводом для большого разговора, широкого обсуждения. Недаром советский зритель с горячим интересом воспринял такие талантливо написанные сюжетные картины, как «Вернулся» С. Григорьева и «Опять двойка» Ф. Решетникова.

На первый взгляд кажется, что обе художника выбрали темой для своих полотен будничные случаи. Но какое глубокое раздумье вызывают их картины! Это не просто бытовые сценки. Художественная правда образов, жизненность ситуаций заставляют зрителя активно относиться к картине, мыслить, искать ответа на вопросы, поставленные художниками.

Отрадно отметить, что к жанровым темам обращаются и художники молодого поколения. Наглядным свидетельством этому служат последние выставки, на которых было представлено немало удачных картин жанровой живописи.

Художники смело берутся за решение волнующей советского зрителя темы семьи, морали, быта, стараются поднять вопросы общественного звучания. К числу таких произведений относится и небольшая картина молодого художника М. Стриженова, названная им «Чужие».

...В семье молодоженов разлад. Это не мелкая ссора, которая назавтра, быть может, забудется: здесь столкнулись два несопоставимых характера. Увелились друг другом молодые люди, поженились, приняв увлечение за любовь, но настоящей, дружной, крепкой семьи не получилось. Слишком различными оказались их взгляды на жизнь. И вот теперь они чужие. Пожалуй, единственное, что их связывает,— это ребенок. В глубине комнаты заботливо отгороженная от света стоит детская кроватка. Но, видимо, не только одно это заставляло их быть вместе. В настороженности всей фигуры этой молодой женщины,

во внимательном, грустном взгляде супруга чувствуется, что оба они чего-то ищут, что у них еще теплится надежда на возврат прежних отношений. Но как это сделать?

Художник не отвечает прямо на вопрос, не навязывает своего решения, представляя это сделать зрителю. И зритель думает, переживает, пытается по-своему и объяснить причину этого разлада и найти выход для молодых людей.

Ценность картины М. Стриженова, ее несомненное воспитательное значение в том, что она учит внимательнее присматриваться к жизни, к людям.

Однако в художественном отношении автору не все удалось сделать, чтобы картина приобрела еще большую выразительность и законченность.

Характеристика персонажей картины дана упрощенно, различными цветовыми гаммами: положительный герой — светлый тон, отрицательный — темный. Картина как бы распадается на два плана. К недостаткам картины можно отнести и перегруженность ее деталями, из которых многие необязательны, рассеивают внимание, мешают усилить главное.

Жанр требует большого мастерства, совершенного владения формой, острой наблюдательности и знания жизни во всех ее проявлениях.

Задачи советских художников,— используя все лучшее, что есть в традициях русской живописи, найти свои, новые краски и формы, новые средства выражения для того, чтобы в страстной, непримиримой борьбе со всем, что мешает нашему продвижению вперед, утверждать нашу социалистическую действительность, новую мораль, новое отношение людей, опозитивировать труд и возвысить человека-творца.

П. П. СОКОЛОВ-СКАЛЯ,
действительный член Академии художеств СССР, лауреат
Сталинских премий.

Данута БЕНЬКОВСКАЯ

КРЫША НАД ГОЛОВОЙ

Отрывок из романа

Жизни и труда архитекторов, инженеров, рабочих — строителей народной Польши — описаны в романе Дануты Беньковской «Крыша над головой». Эта книга знакомит нас с работой архитектурных мастеров польской столицы, с теми людьми, кто проектирует и строит города и рабочие поселки. Перед читателем предстает галерея людей разных профессий. Среди них руководитель мастерской № 17, талантливый архитектор Николай Оранский — автор проекта города социалистического типа Нова Рудна, молодые инженеры: Болек Дунак, сын рабочего, погибшего в сентябре 1939 года при обороне Варшавы от гитлеровской агрессии, и Агнешка, дочь видного старого архитектора Дорачинского.

Роман «Крыша над головой» проникнут глубокой верой в созидательные силы польского народа. Произведение ценно тем, что оно рисует сложный и трудный процесс рождения нового, социалистического отношения человека к труду, процесс, происходящий в условиях ожесточенной борьбы нового со старым, реакционными, отжившим.

Роман помогает ознакомиться с духовным миром строителей социалистической Польши, который в послевоенный год отмечал десятилетие освобождения от фашистского ига.

Нике печатается (с небольшими сокращениями) одна из глав романа Дануты Беньковской.

В сорок пятом году Дуначку с сыном приютит земляк, водопроводчик. Жил он на улице Злотой, во флигеле, предназначенном на слом. Водопроводчик с женой и дочерью занимал комнату, а Дуначке с сыном уступили место на кухне. Затем дочь водопроводчика вышла замуж, у нее родился ребенок. Но жить продолжали все вместе, в тесноте; каждый надеялся получить квартиру от своего предприятия.

Когда дома ребенок, — известное дело: пеленки, купальня, стирка, хлопоты по ночам. И все труднее становилось Дуначке. Пока была здорова, есе полбеды. Но случилось рожистое воспаление на ноге, Дуначка слегла — и стало совсем плохо.

Ложась она на кухню, за ширмой, Болек, сын, пошел за врачом: у матери поднялась температура, да и с сердцем неважно. Хозяйка готовила обед; ее внучонок играл на полу, на коврик. Было душно и жарко, но окно открыт нельзя: ребенок недалеко болел.

Вдруг постучали в дверь. Дуначка услышала молодой, немного захныкавший девичий голос:

— Здесь живет инженер Дунак?

— Здесь, — ответила хозяйка, — а в чем дело?

— Я с места работаю, просила узнать, почему вы вот уже второй день не приходите. Не захворал ли?

— Это мать его хворает.

— Мать? — И в голосе девушки прозвучало удивление. — А нельзя ли ее видеть?

— Вот она, здесь, за ширмой, — ответила хозяйка девушке, а подошла к постели, сказала: — Дуначка, к вам гости.

Горло стало Дуначке при мысли, что знакомая сына увидит ее в такой неприглядной обстановке. Мало того, что живут в тесноте, так, точно нагло, на Дуначке выветыла, с заплатками фланелевая юбка, а белье на постели хота и чистое, но от частой стирки поодорошало.

— Здравствуйте, — сказала девушка. — Позвольте, так ведь мы знакомы! Вы у нас работаете, правда? — И обе смущались.

Агнешка всегда была очень внимательна к борщичкам, охотно беседовала с ними. Однажды, вспомнила Дуначка, Агнешка спрашивала, нет ли у вас знакомой подруги...

И вот теперь, когда открылся секрет и девушка стало известно, что Болек — ее сын, старшая сестра и дочь ждали лужных слов. Она хотела, чтобы гостя видела в ней не оборзлицу, а мать инженера. Она бы справилась

с этим, если бы не эта убогая обстановка, не болезнь, лишавшая человека ясности мысли и силы воли.

— У вас высокая температура, — сказала Агнешка, взяв большую за руку. — Лишь так и горит...

— Сын пошел за врачом, — проговорила Дуначка и подумала: «Как бы девушка не вздумала осудить Болека за невинные к матерям».

— Может быть, помочь вам? — спросила девушка. — Подать чего-нибудь, принести из города?

— Спасибо, ничего не надо, — ответила Дуначка и тотчас же пожалела, увидев, как оторчилась Агнешка, как начала беспомощно поправлять свои непослушные волосы, такие же светлые и густые, как косы Дуначки, когда она сама была такой вот девушкой.

— Просту вас, не отгайте мне чужой, — сказала Агнешка, опустила глаза. — Ведь и уже давно хотела навестить вас.

— Меня? — удивилась Дуначка.

— Я просила Болека представить меня его матерью.

— Ах, вот оно что! — все покинула взгляд старая Дуначка и как-то по-новому взглянула на девушку. — А он, значит, не захотел?

— Все откладывал с недели на неделю.

Агнешка стояла смущенная, покрасневшая, и губы дрожали: вот-вот заплачет. Несколько, ну, несколько не была она в ту минуту похожа на окончившего курс архитектора! И видно было: если бы не какая-то внутренняя, сковывавшая ее сила, давно бы убежала, — так было ей не по себе.

— Приведите же на крошата! — Дуначка подвинулась, освобождая госте место. — Болек вот-вот придет...

Дуначка улыбнулась, погладила руку девушки, точно желая придать ей смелости. И хотя мало было зима сказано, чувствовалось, что самое трудное позади.

Когда Болек ушел от матери о приходе Агнешки, он не смел скрыть своей досады.

— Вот видишь, мама, давно бы тебе следовало брать работу в нашем бюро! Моего заработка хватало бы на нас обоих. Что по-думает теперь Агнешка? Ее отец — известный архитектор. Право, мама, ты причинишь мне лишние хлопоты. И все из-за нескольких сот злотых!

Но Дуначка не забыла своего прошлого. Она хочет иметь свой собственный угол, своим

трудом найтись. Да, жизнь ее научила многому! Братья, сестры — и те обидели. Когда выходила замуж за рабочего из города, договорилась с братьями, что ей выплатят ее доли в хозяйстве. Раз да прислали из деревни гроши, как то прислали мужских, однажды воз карточки. Потом случился пожар, затем свиньи околели, в следующем году стоила засушливая погода — хлеб погорел, свинки не уродились... Дунячка так больше ни грошика из деревни и не дождалась...

Муж ее, Дуняк, махнул рукой, не захотел таскаться по судам. Был он хорошим слесарем, но за зарплаткой не гнался, больше занимался поштвовой. И если оставался вечером дома, то все читал свои книжки, которые надо было тщательно прятать, чтобы никто из посторонних не видел. С женой об этих книгах он не заговаривал. Когда же сводился у него товарищи, она сидела на кухне у окна и смотрела, не шатаются ли какой-нибудь полдозорительный тип у ворот.

Болек был еще маленьким, когда Дунячка говорила мужу, что надо то что бы то ни стало дать ей образование. Может, выйдет она из него когд-нибудь инженер. Ей казалось, что никому так хорошо не живется на свете, как инженерам: есть у них и собственные дачи, и автомашины, и уважение пользуются.

Дуняк не возражал. Хорошо, пускай Коля учится, говорил он, но куда существует капиталам, ничего Болеку не добиться, а вот победит ошатамив и нас, в Польше, — тогда другое дело, тогда и рабочий сможет обзавестись автомашиной и собственным домиком.

Дуняк первым пошел в 1939 году оборонять Варшаву от немецких фашистов. С трудом раздобыл оружие: никто ведь в армию его не принимал. Дунячка была даже в обиде на него за то, что он позволил себя так беспечно убиты, а ее с ребенком оставил без всяких средств. Другие во-время бежали, а затем вернулись, а кое-кто даже изволился деньги нажить. Послала письмо в деревню, под Люблин, собравшаяся поехать туда. Ответов не было, писала, что семини трудно приходится и что немецкие оккупанты угоняют людей на принудительные работы. Так и осталась в Варшаве и начала искать заработок.

К торлезу Дунячка пыталась чувство неприязни, в служивки идти не пожелала: сынишку было жалко, не хотела, чтобы кто-нибудь помялся им. Но вот друзья мужа помогли ей найти занятие. Получилось, что и после смерти Дуняк заболел о своей семье, помогая ей руками своих старых товарищей. А так как она думала, что покойный и все посылал свою жену, то начали целиком доверять ей, привлекли к партийной работе. Так еще в начале 1944 года Дунячка стала членом Польской рабочей партии.

Зарабатывала она гроши, едва в состоянии

была прокормить себя и сына, но не жаловалась, даже была довольна своей судьбой. И как-то светлее, радостнее стало у нее на душе, когда поняла, что можно изменить мир и что вопреки научному кощиву не следует безропотно переносить все невзгоды и обиды в ожидании везучего спасения. Не раз с сожалением думала, что напрасно муж раньше не открыл ей глаза на мир.

Она находила удовольствие в своей работе. И хотя многого не хватало, научилась обходиться без чужой помощи. Пришла ей по вкусу такая самостоятельность. И Дунячка делила никому не доверять работы о собственной, — думала она, — поلودеть дети, молодым ведь всегда денег не хватает...
* * *

Назавтра Агнешка снова известила Дунячку, прислала апельсинки и цветы. Вымыла банку из-под горчицы, влила воды и вместе с фиалками поставила на шкаф, так, чтобы большая могла их видеть. Она уже осознала, как старая знакомая. Очистила апельсинки и стала давать большой — дольку за долькой.

Уголки, таблетки, прописанные врачом, помогали, конечно, Дунячке, но только сейчас почувствовала она, что действительно выздоравливает. Ей стало очень легко еще и оттого, что скрывать ничего больше уже не надо. Болек дольше всего испытывал стеснение, но и он оттаял от теплой улыбки Агнешки и все свалился на кровать.

— Ну, послушай сама, как можно приглашать сюда людей?

Именно так оправдывал свое поведение Болек, прожывая девушку до трамвайной остановки. Пускай не думает Агнешка, что он стыдится своей матери. Взяв девушку под руку и осторожно повел по двору: в темноте, чего доброго, можно ступиться, поскользнуться. Под сводами ворот щечка Агнешки окмалевалась так близко, что Болек коснулся ее губами. Тогда она обняла его за шею и крепко поцеловала в губы.

— Любимый! — шепнула радостно. И хотя глаз ее не было видно, он знал, что она улыбается.

— Ягуляла!... Болек поцеловал ее руку. Он был смущен тем, что это случилось в воротах, где ходят люди, которые могут и вовсе не подумат. Он высказал вслух свои опасения, когда девушка прильнула к нему.

— Ну и что же? Что же? — повторила она, чувствуя себя несколько неловко в его объятиях. — Я давно ждала этого, аж, как давно! Ты рад? Болек, скажи, что рад!

Ну, конечно, он рад, но и обеспокоен: как ни о чем просить не станет, более того, не захочет жить с ним, даже если тот согласится.

С тяжелым сердцем возвращалась Болек домой и больше о девушке с матерью не заговаривала. Дунячка понимала, что дело у них серьезное, а она не знает ни милостивого. Против Агнешки ничего не имела, разве только то, что она из интеллигентной семьи: как бы когда-нибудь не возгордилась перед Болеком. Но, по-думав, отбросила и эти страхи: в наши дни, решившая, дала бы кордыла такому отому, кем-ким был отец Болека. И справедливо гордится...
* * *

Прошло несколько месяцев. Отец Агнешки, Дорвичский, приказал инженеру Дуняку к 11 часам, но ушло в 9 утра Болек не мог увидеть дома. Решил пойти пешком на Жолбок, чтобы как-нибудь растянуть время. Присмотрившись к строящемуся зданию в своем жилом районе, поблагодарил взглядом на Арсенал и трассу Восток — Запад. Затем зашел в сад Красинских, чтобы с небольшого холма поглядеть на Муравон. Но был там и он говорил разные критики, этот жилой район нравится Болеку. Правда, дом абсолютные привлекательным: они не были еще опуткаурены, кое-где виднелись следы мелких злоделок.

Пятеро, вот-вот хлынет ливень. Дуть теплый, чуть ли не осенний ветер. От района падают листья дождевыми затами гниющих листьев, сырой земли, дыма. Молодой архитектор шел быстрым шагом, то растегивая плащ, то, вдруг почувствовав озноб, снова застегивая его на все пуговицы.

В половине одиннадцатого он уже вошел во двор дома, где жил Дорвичский. Как быть? Зайти раньше времени или ждать здесь, во дворе? «Вот смею-то будет, если увидят в окно, как я себе прохаживаюсь! — подумал Болек, — пойду на улицу. Ну, а если меня все же заметят!» Посмотрел на занавешенные окна, за которыми, быть может, прячутся глаза жильцов. Наконец решил.

Дверь открыла Агнешка, как всегда, небрежно пригласила. Ужасной поцеловала его, а затем крикнула:

— Папочка, Болек пришел!
В переднюю вышел высокий мужчина. Дунячку приподняло уже видение профессора Дорвичского в Архитектурном обществе и в Политехникуме. Болека всегда восхитила прекрасная внешность Дорвичского, его свободная манера в обращении с людьми.

— Милости просим, коллега, — пригласила позия себя широким жестом. — А ты, Ягуляка, уступай место кофеем! Дорвичский Болек вошел в комнату, напоминавшую монастырскую келью. У стены, побеленной известью, стояла узкая койка, покрытая коврином в серых и фиолетовых полосках. Под окном он увидел чертужную доску, в рядом полку с книгами, высокий столик, кресло. Бросился в глаза два архитектурных чертежа, оконтуривших узкой темной клямой.

— Если не ошибаюсь, это Новковский? — сказал молодой инженер.

— Да, это он. Он был моим учителем, — ответил, улыбаясь, хозяин. — А теперь прошу вас посмотреть мою работу. Фасад типовой деревенской школы.

Видя любознательное возмездие? — спросил Дуняк, извлекший своеобразный рисунок.

— Вы угадали. Вам знакомы эти места?

— Немного. Мать моя родом из Казимежа, — сказал Болек и затнулся. Он не хотел дать повод для рассуждений, которых в эту минуту он никак не ожидал.

Но профессор Дорвичский завел речь о другом:

— Над чем вы сейчас работаете, коллега? Мы с Агнешкой заканчиваем проект жилого района в Казимеже. Я проектирую центр посёлка: дом культуры, школу и амбулаторию.

— Да, вам повеселилось работать у Овсянского. У него в семидесятилетней мастерской можно работать столько, сколько вы захотите, а другим место начинают работать самостоятельно.

— Да, но шеф прошил освободить его от работы в мастерской.

— Ну, я уверен, что он вернется туда после окончания работы. Я расцениваю профессор. — Как volna в лес, и даже больше того, театр архитектора к проектированию.

— Но ведь мы действительно нанесено оскорбление! — горячо сказал Болек. — Неподобаю, почему директор Бельше отстранил его от проектирования Новой Руаны. Его проект превосходит, куда лучше чертежи Эрншта, выставленных в Политехникуме.

Дорачивский посмотрел на гостя серьезно и, уходя папирской, сказал:

— Что ж, Бельше может, и я сам приду к такому же выводу...

Наступила пауза.

— Как вы рисуете себе свое будущее? — спросил молчае старый архитектор.

Болек смущенно говорил ли об Атешке, о кватирных трудностях, наконец, о своих чувствах? Но Болек вырвал Дорачивский.

— Атешка столько говорила мне о вас, — сказал он, — что я считал вас уже своим старым знакомым. Одно человека, редактора какой-либо газеты вы думаете специализироваться в градостроительстве или в архитектуре? Что вас привлекает: житейная доля или административные общественные задания? Что вы предпочитаете: сложную, повседневную работу у Оранского, или, быть может, у вас какому-нибудь смелые замыслы, хотите участвовать в архитектурных конкурсах, тягаться со старинами?

Все это было сказано Дорачивским в шуточном тоне. При этом он внимательно поглядывал на Болека, поглаживая свои седые волосы, слегка волнистые волосы. Лицо у него было удивленное, с высоким лбом, тоном, но заветным носом — одно человека, редактора которого только тем и занимался, что корячил над книгами. Больше с длинными пальцами руки не знали явного труда, как рисование. Даже сейчас по привычке он играл черным чешским карандашом-автоматом.

— Пока что работаю у начальника, — сказал Болек. — Недавно лишь закончил дипломную работу. Знаний у меня еще маловато. Но вчерашний вечер и я конкурсу...

Дорачивский чуть-чуть улыбнулся.

— А слышали вы о конкурсе на проект роторной фабрики? Объявляли дней семь тому назад...

— Нет, не слышал. А сроки какие?

— Три месяца. И затеяна от этого потому, что вам уже приходилось проектировать Дом культуры...

— В таком случае... Болек колеблется. Старый архитектор начал то и дело высказывать предположения к чертежной доске вместе бумаге.

— Конечно, — сказал он безразлично, — конкурсы скромный, на нем большой славы не заработает. Но, как бы там ни было, победителя все заметят. Такого рода темы всегда служат хорошим мерлом таланта.

— А по-вашему, профессор, я имел бы шансы? — Тут Болек сам себя оборвал и добавил: — Но ведь вы не видели ни одной моей работы!

— А вставая, я думаю, что вам следует попробовать, — оживился Дорачивский, улыбаясь вошедшей в комнату дочери. — А вот и Друзька с кофеем.

Понимающе посмотрел на Атешку, и та сразу повеселела. Зато Болек помрачнел и оставался таким до конца вечера. Теперь его мучила мысль о том, что есть какая-то тонкая связь между Атешкой и вот этим самым конкурсом.

Его не удивило то, что Дорачивский ставит перед ним творческие задания: ведь это и есть самое важное в человеке. Профессор хочет показать всему свету, какой у него зять. Болек тоже жаждал испробовать свои силы, но становилось не по себе оттого, что ставкой в этой борьбе являлся Атешка... Ну, а если ему не повезет, если провалится на конкурсе, не будет ли это стоить ему любимой девушки? Выдержит ли ее любовь такое испытание, как неудача, как явные суждения товарищей?

«Нет, никаких шансов нет у меня выиграть победителем! — рассуждал он, направляясь домой. — Я еще так мало знаю. Нам все время забрасывают сливком ответственными заданиями. За травинкой архитектор мог бы еще ходить в учениках у знаменитых мастеров. Это, конечно, не слава, но чему научиться, того у них никто не отнимет...»

Так думал Болек, хотя в глубине души был

против дальнейшей стажировки. Во всяком случае, французы, с которыми ему пришлось беседовать во время Конгресса мира, отнюдь не были в восторге от своей судьбы. Напротив, когда Болек родил их по варшавским стройкам, они жаловались на то, что во Франции заказчики обеспечены только известными архитекторами, а молодежи годами ждать такой удачи.

«Пранда, — говорил с горечью молодой парижанин, — мы делаем чертежи крупных объектов, монументальных сооружений, но только ради того, чтобы не разучиться работать, для тренировки. Все остается на бумаге, никогда так и не дождавшись претворения в действительность. Разве что иной раз построится вилла. Да и то случается это все реже и реже. Сколько их, пустующих вилл и особняков, слезится в арсенал!»

Болек подумал было, что парижанин хватил немного черной край, что он говорит так, поскольку находится в Польше, но совсем был поражен, когда французский коллега обратился к нему с просьбой:

«Возьмите меня на работу, на несколько лет. Даже если не в зарплате: очень хочется применить на практике свои силы и знания. Хочется наконец в натуре увидеть то, что написано твоими руками!»

И до того зажегся француз этой идеей, что схватил Болека за плечико пиджака, чуть не оторвал ее.

«Я говорю не только от собственного имени, — продолжал он, — у меня товарища, которые думают так же... Мы поощаем клуб Общества франко-советской дружбы, мы лучше других видим все то, что происходит в Советском Союзе и в странах народной демократии. Мы сразу респекты бы прекратить к вам и работать...»

И вот сейчас, сидя в трамвае, Болек вспоминал об этой встрече и решил, что ни за что ни в свете не поменялся бы с этим молодым французом. Нет, уж лучше чрезмерная ответственность, чем безалаберная пустота окладов.

«Ну, допустим даже худшее, допустим, что провалится на конкурсе, — размышлял он. — Все равно объявят новый конкурс, и снова представится случай выйти на простор. И потому почему обязательно провалится? Атешка наверняка поможет мне... Пока что не могу показываться, все шло неплохо...»

И Болек все еще взглянул на окружающий мир. После непродолжительного дождя выглянуло солнце. Но дуд пронзительный ветер сра-

зу со всех сторон, особенно там, где трасса Восток — Запад перекарещивается с улицей Ноковского.

Болек почувствовал облегчение, когда вышел в подъезд нового дома, где совсем недавно Дуняшке предоставили комнату. У двери лежала чистая тряпка. Едва нажал ручку двери, как приятно обдал свежий запах мастики, лицо дохнуло от свежесть воздуха, какая всегда бывает после уборки.

— Это ты, Болек? — спросила мать.

— Я, мама, а то кто же? — ответил Болек, вешая в передней плащ.

Он остановился на пороге и не узнал комнату, которую оставил сегодня утром. Окно уже было завешено занавеской, на стенах появились вышитые рушники, на кровати покрывало, когда-то вытканное Дуняшкой.

— Каким крокетом! — с восторгом сказал Болек. — И вовсе не пусто.

И только теперь посмотрел на мать. Она сидела у стола с книжкой на коленях. Вместо темноватой шляпки, которую она надевала по воскресеньям, на ней была широкая блузка с буфами и длинная, до полу, юбка в складку. Шелковый платочек спуска с головы, открыв еще не тронутые седой волос.

Много лет держала она в сумочке — единственной вещи, сохранившейся после восстановления, когда гитлеровцы свалили Варшаву, — свой традиционный наряд. С десяти лет помнил Болек, как время от времени мать выколачивала это платье, затем пересыпала нафталином, чтобы не съела моль.

«Это платье очень было бы тебе к лицу, мамал! — сказал он одиозно.

Дуняшка с грустью посмотрела тогда на сына и, покряхтев головой, захлопнула крышку сумочки. И не помнил он такого случая, когда бы она заглядывала в него. Быть может, делала это украдкой, перебирая то, что говорило ей о прошлом.

Но нет, секрет сегодняшнего преобразования так же не в платье, а в чем-то ином — в прояснившихся чертах лица, в широко открытых глазах, в их светлом и смелом взгляде. И впервые — с тех пор, как помнил свою мать, — посмотрел Болек на нее без того грустного сознания, которое будила в нем ее отрешенность. Смотрел поразительно: столько было во всем ее облике достоинства и благородства.

Возлюбованно подошел к ней, наклонился и поцеловал руку.

Перевел с польского
И. ДАВЫДОВ.

На улицах Буэнос-Айреса.

В АРГЕНТИНЕ

Гроссмейстер Марк ТАЙМАНОВ

В гостиницу, где жили советские шахматисты — участники международного турнира в Швейцарии, осенью прошлого года приехал аргентинский гроссмейстер Найдорф.

— Только что получена телеграмма. Вас приглашают в Аргентину. Вот это будет состязание! — злободушно сказал он, путая польские, немецкие и русские слова. — Приезжайте, вас встретят как желанных гостей!

Никогда еще советским спортсменам не приходилось выступать так далеко от Родины, по ту сторону Атлантического океана.

И вот мы в Буэнос-Айресе. Пошли почти 15 тысяч километров пути, за время которого мы побывали во всех четырех временах года: Москва проводила нас зимой, в Праге мы застали весну, в Дакаре — лето, а в Аргентину прибыли в начале осени.

Аргентинские шахматисты с нетерпением ожидали нас. Еще задолго до начала матча газеты и журналы поместили большие статьи, посвященные предстоящему состязанию.

Встречать нас на аэродроме собралась многочисленная толпа простых людей. Едва мы вышли из самолета, как разлился гуд приветствий и здравий в честь нашей страны, в честь советского народа: «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует дружба Аргентины и России!» С большим трудом пробравшись сквозь живую стену людей, едва успевая отвечать на дружеские рукопожатия, добрались мы до машины.

Атмосфера симпатии и внимания окружала нас всюду, где бы мы ни появлялись. На улицах, на стадионе, в отеле «Альвар-Палас», где мы жили, к нам подолбли неизвестные друзья, спрашивали о жизни в нашей стране, о молодежи Советского Союза, о спорте, о шахматистах.

Огромный успех в Аргентине имели выступления советских му-

Юрий Авраамов дает сеанс одновременной игры.

зыкантифов. Газеты поместили восторженные отзывы о концертах Давида Ойстраха и Татьяны Николаевы. Демонстрация советских фильмов в крупнейшем кинотеатре Буэнос-Айреса неизменно сопровождалась овациями в честь советских киноактеров, присутствовавших тут же.

Театр «Сервантес», где проходила шахматный матч Аргентина — СССР, был всегда переполнен. Даже в дни доигрывания, которые обычно вызывают меньший интерес, свободные билеты достать было очень трудно. Сотни аргентинцев стремились в театр, чтобы приветствовать представителей Советской страны.

Наши встречи с аргентинскими шахматистами были не обычными спортивными соревнованиями. Хорошо выразил эту мысль на открытии матча президент аргентинской шахматной федерации господин Лауренс. Он сказал:

— На языке шахмат здесь будут говорить о дружбе между народами обеих стран.

Матч протекал увлекательно. Советские гроссмейстеры проявили большую волю к победе и хо-

роше спортивные качества. Вельнам приходится играть в необычных для северян условиях: на улице стояла тридцатиградусная жара, а зале было душно, несмотря на мощную вентиляцию.

Любители автографов осаждают Паула Нереса.

Мы победили во всех четырех турах с общим счетом 20,5 : 11,5.

Вот как отыгрался о матче с нами аргентинцы:

«Титаническая, жестокая и ответственная борьба с советскими гроссмейстерами окончена, — писала одна из газет. — Результаты показывают весьма значительную разницу — 9 очков в их пользу. — Здесь наглядно выражено бесспорное превосходство советских шахматистов, превосходство тем более многозначительное и красноречивое, что мы представляем собой страну, уже добившуюся больших побед на шахматном фронте».

В последний день соревнования на матче присутствовал президент Аргентины генерал Перон. Это была наша вторая встреча с президентом. Неделю раньше, принимая советскую делегацию в своей резиденции, он сказал, что рад нашему приезду, рад развивающимся культурным связям между народами Аргентины и СССР, и выразил надежду, что связи эти будут крепнуть.

Перед началом заключительного тура президент Перон поднялся на сцену и сделал за Найдорфа первый ход.

После окончания матча мы остались еще на неделю в Аргентине. Наши гроссмейстеры выступили в различных городах страны с сеансами одновременной игры, а также знакомились с достопримечательностями городов, жизнью и бытом аргентинцев.

Столица Аргентины Буэнос-Айрес — огромный, очень своеобразный город. Он удивительно красив и геометрически правильно расположен. Улицы столицы — длинные и прямые. Некоторые из центральных магистралей тянутся на многие километры; нумерация домов на таких улицах достигает пятнадцатой цифры. Один из наших знакомых жил на улице Рива Лавья, в доме № 13496.

В Буэнос-Айресе много парков, садов. На узких улицах деревья, растущие по обеим сторонам, сплетаясь кронами, образуют как бы огромный зеленый навес. В парках Пальермо много зеленых беседок, шестов, прудов. Но Пальермо — это район обаяния, принадлежащий крупной буржуазии, простых людей едва не встретишь.

Движение в городе большое, но неорганизованное. Бодячки наши носили по улице, не считаясь ни с какими правилами. По вечерам Буэнос-Айрес одевается в пестрый наряд неоновых реклам.

Как-то гуляя с одним из наших аргентинских друзей, мы услышали от него:

— Так у нас только в центре. Есть и другой Буэнос-Айрес. Пожайте на окраины, посмотрите, в каких условиях приходится жить рабочим. Они не могут оплатить квартиры в обычном доме и строят себе жилища из гофрированного железа и досок.

Мы видели такие жилища. Не складно жилось в них людям. Темпид, влажный климат Аргентины благоприятствует хорошим урожаям овощей, фруктов, зерна, развито животноводство. Но, несмотря на это, в стране есть немало людей, которые не могут обеспечить существование своей семьи. Заработная плата многих категорий рабочих очень низка.

В Аргентине немало учебных заведений. Нам показывали красивые здания институтов, гимназий, как будто это условия для того, чтобы все молодежь училась. Но, несмотря на это, образование доступно не всем. Нам привели такие цифры: из 800 тысяч детей, поступающих в начальную школу, до седьмого класса доходит лишь 100 тысяч. Из этого числа в среднюю школу попадает половина, а заканчивает ее всего лишь 19 тысяч юношей и девушек. Поступить в высшую школу могут из них только 10 тысяч, а дипломы получают лишь три студента.

Нас много расспрашивали о жизни в Советской стране. Нередко члены нашей делегации прямо на улице обступали аргентинцев и буквально заставляли говорить. Эти импровизированные пресс-конференции неизменно протекали в самой сердечной и дружеской атмосфере. Непосредственные, темпераментные аргентинцы очень живо реагировали на каждый ответ и нередко сопровождали его аплодисментами.

Вспоминаю, какое удивление вызвало у них известие о том, что русские шахматисты не являются профессионалами, а каждый имеет специальность, что наш чемпион мира Ботвинник — доктор технических наук, Котлов — инженер, Багдасарян — филолог, Геллер — преподаватель политехнионии.

Кстати, когда узнавали, что я пианист, то меня сразу же заставляли сесть за рояль, и просили обязательно сыграть «Танец с саблями» Хачатуряна.

В дни, когда мы были в Аргентине, в Москве проходил XII съезд ВЛКСМ. В составе нашей делегации было много молодежи, воспитанников комсомола, и мы живо интересовались материалами съезда. Естественно, что наше внимание привлекло выступление и выступивших перед Центральным Комитетом Федерации коммунистической молодежи Аргентины Хорхе Бергштейна, опубликованное в «Комсомольской правде». Его заявление с трибуны съезда о том, что и один молодой аргентинец не поднимет оружия против своих советских братьев и сестер, встречено было бурными, продолжительными аплодисментами, было подхвачено здесь, в Аргентине, проявлением самых сердечных и искренних симпатий по отношению к посланцам великого Советского Союза.

С богатыми впечатлениями и телам жутком благодушием гостеприимным аргентинцам покидали мы Буэнос-Айрес.

Американский журнал «Лайф», стигавший себе сенсационную известность рыночного поборника «образца жизни по-американски», порадовал недавно своих читателей статьей, озаглавленной довольно претенциозно: «Наш спорт — спорт XX века». Статья эта представляет смесь из заведомых несправедливых и неверных утверждений и вымыслов американских спортивных звезд и заочной клеветы на спорт стран демократического лагеря. Автор, пожелавший остаться неизвестным, утверждает, что «амери-

ной добьется выигрыша, потому что наконец можно больше учений противнику, мучающего его и дающего убит».

Так обычно происходит боксерские матчи в одном из больших залов Нью-Йорка. Отчеты о них вывихают пестрым сообщением о переломах и вывихах руки, ног, сотрясаниях мозга. Вот как описывает западноевропей-

...Этому боксеру уже вызвана на реку спорной помощью. «Он больше не увидит ринга», — гласит лейоначник, походящий под снимком, опубликованным в одном из журналов. В итоге кровавой потасовки страшный удар в почку, потеря сознания, глубокий обморок...

Для «спортивной жизни» Соединенных Штатов этот фант не является редкостью исключением. Перелистывая страницы американских спортивных газет и журналов, то и дело встречаешь фамилии, обозначенные треугольной рамкой. В Америке только за последний год от повредивших, полученных во время состязаний, умерло двенадцать боксеров и борцов. «Наш спорт и преступное убийство — разные вещи» — пишет один американский профессиональный журналист.

На отвратительных зрелищах, потешаясь обывателей, спортивные бизнесмены зарабатывают баснословные суммы. Каное им дело до умений и травм спортсменов, когда в их карманы плывут десятки тысяч долларов! Вот снимок из «Ринга» с выразительной подписью: «Игра продолжалась 3 минуты 33 секунды. Баланс: 45 47 долларов — для устроителя матча, один перелом позвоничной и один перелом ног — для участника».

«Дар ногами в живот противника — вовсе не запрещенный прием в «женской борьбе», новом виде спорта, придуманном предприимчивым гангстером из спорта. Здесь разрешено все: аморализовать руки, душить, вымарать глаза, откусывать нос у чужих. Каное имеет американская печать, это состязания, отличающиеся исключительным садизмом и кровожадностью, пользуются большой популярностью».

Писани из «Лайфа», не являя красок, рассказывает «достижения и «красоту» спорта в Америке. В действительности же спорт по-американски ничем другим не имеет с настоящим спортом. Он давно превратился в бизнес для разного рода темных делов.

Ю. ДЕРЯГИН,
В. СОВВА

канский спорт всегда отличался гуманностью и постоянно характеризовался отсутствием чорыстных интересов».

Не знаем, какое впечатление произвело это «открытие» в Соединенных Штатах, но вполне можно случится, что автор получит первый приз за самую удачную шутку 1954 года.

Нечем вступать в спор с шутниками из «Лайфа». О том, каную цену имеют результаты этого журнала об американском спорте, наглядно показывают снимки, опубликованные в американском и западноевропейских журналах.

Трудно найти что-либо ценное в этом обезобразившем простому лицу использование столичными рудачами. Не брезгая никакими способами, используя бесчестные приемы, эти, с позволения сказать, «спортсмены» непрерывно молотят друг друга кулаками, подготавливая санкцию и уклончивым обезумевшим из восторга зрителям. У каждого из спортсменов только одна цель — добой це-

ский спортивный журнал «Ринг» одного из участников недавнего матча: «Нас сломали шесть раз, челюсть — один раз, сломаны девять ребер, семидеять швов на голове и глазных впадинах, вместо швов на теле, так что среднему портному пришлось бы работать целую неделю».

— Для лова угря можно использовать салачные неводы. — объясняет Маннивальд Паолойа своим товарищам.

ТАЙНА САРГАССОВА МОРЯ

Балтика. Низко плывут свинцовые облака. Море, то графово-черное, то мутно-зеленое, мерно дышит, играя белой пеной прибой.

В прошлом между островами Саргеман и Муху лежит маленький клочок земли: две тысячи шагов длиной, полторы поперек. Видно, в шутку его называют Суурпай, что значит по-эстонски «горный остров».

Песок и скалы да несколько доменов возле одного-единственного дома. На колышках свисают сацети, у берега на якорь стоит парусная лодка. Много лет в этом доме живет старый рыбак Максим Паолойа со своей семьей. Семья большая: жена, сын, четыре дочери. Все живет Паолойа рыбачить. Ловит угря, салачку, но главным промыслом был, конечно, угорь. Он кормил всех: и людей и рыболовов.

Сын Максима Паолойа, Маннивальд, едва научившись ходить, целые дни проводил у моря. Он видел, как отец чинит снасти, готовит сети, ставит паруса. Наступил час, когда отец впервые взял сына с собой. Море — хороший, но суровый учитель. Десятки годы, проведенные с отцом в море, научили Маннивальда многому. Он узнал, что угорь лучше всего ловится в жаркую погоду, что море в шторм рвет и уносит снасти, помнит рыбачью, ушедших в море и не вернувшихся домой. Он научился ставить самые сложные снасти, находить места лова, узнал повадки рыб.

В начальной школе на острове Муху мальчика окружали такие же, как и он, рыбачьи дети, жизнь которых была тесно связана с морем, с промыслом угря. Учился дальше после окончания начальной школы Маннивальд не смог: не было денег. И он снова начал рыбачить с отцом.

Но вот осуществилась заветная мечта эстонского народа. Эстония вошла в дружную семью народов СССР, и перед молодым Паолойаом открылась широкая дорога: учиться дальше по поступлению в техникум. Это было весной 1941 года.

С первых же дней Великой Отечественной войны Маннивальд ушел в эстонский корпус с оружием в руках защищать свободу и независимость своей Родины. В 1943 году он вступил в партию.

Теперь Маннивальд Паолойа — студент Московского технического института рыбной промышленности и хозяйства имени А. И. Ми-

кояна, член инструкторского научного студенческого общества. Сделанная им при кафедре промышленного рыболовства под руководством доктора технических наук, профессора Ф. И. Вранова научная работа «Промысел угря в Эстонии» — серьезное и самостоятельное исследование.

— Когда поступил в институт, — рассказывает Маннивальд, — я понимаю, что узнаю здесь много нового, но об угрях, казалось мне, знаю все. Однако я ошибся.

Угорь — очень своеобразная рыба. Ее происхождением интересовался Аристотелем. Но полагалось почти две тысячи лет, чтобы окончательно раскрыть тайну этой рыбы. Да, да, именно тайну! Ведь это слово встречается почти во всех научных и популярных работах об угрях: «Тайвственный путь», «Секрет митраши», «Тайна угря». Действительно, в жизни уг-

Фото Г. Борисова.

Маннивальд Паолойа готовит снасти орудия лова.

ря много таинственного и непонятного. Угорь — проходная рыба. Было известно, что все проходные рыбы — лосось, осетр, сельдь — живут в морях, а метать икру уходит в реки; места их нереста точно известны. А вот угорь ведет себя иначе: обитатель рек, он исчезает осебно уходит в море и исчезает бесследно...

Лишь сравнительно недавно выяснилось, что угорь нерестится около Бермудских островов, в глубинах Саргассова моря. Оттуда, подгоняемые теплым течениями Гольфстрима, прозрачные лоскустообразные личинки угря совершают

двулетнее путешествие к берегам Западной Европы, привносясь на третий год в утробах матушек. Они заселяют все прибрежные воды, устья рек и лагуны от Балтики до Средиземного моря и живут здесь по 8—12 лет.

Самое интересное и таинственное в жизни угря начинается с того момента, когда он уходит на нерест. Случайно занесенный на Даунаув или в Нену, когда он был еще мальком, не обавившимся ни саукон, ни эрнемем, ни обнянием, взрослый угорь вдруг покидает привычную, хорошо знакомую ему реку и уходит в Саргассово море. Именно в Саргассово, и ни в какое другое.

Что заставляет угря пускаться в такой дальний путь? Это долго оставалось загадкой. Завбота о потомстве вынуждает угря метать икру на глубине от одного до шести километров, где икра меньше всего подвергается опасности. К тому же вода должна быть теплой, очень теплой. Только Саргассово море отвечает этим требованиям. Но как угорь находит путь да дорогу? Ведь такой путь он проделывает впервые! Объясняет Петр Юльевич Шмайт объясняет это так: угорь покидает реку и в поисках более соленой воды попадает в Атлантику; тут он входит в Гольфстрим, и движась против теплового течения, в конце концов достигает Саргассова моря. Прелесть огромный и долгий путь — проплыть он может не более 15—25 километров в сутки. — угорь метает икру в августе, погибает. Во всяком случае, о его дальнейшей судьбе пока ничего не известно.

Интерес науки к угрю все растет. Угорь — ценная рыба. Все его мясо составляет 84 процента к общему весу. До сих пор в 2—2,5 раза больше, чем у других рыб; мясо его очень жирное. Конечный или консервированный угорь питателен и вкусен.

Маннивальд Паолойа, умудренный многоголетним опытом балтийских рыбаков, вооруженный новейшими достижениями советской науки, и своей первой научной работой решает вопросы, представляющие большой практический интерес.

Он указывает возможности резкого увеличения добычи угря в Эстонии. До сих пор для лова угря применяются специальные, дорогостоящие орудия лова — боттенгарни, большие и малые угревые мезеки и т. д. Паолойа предлагает

использовать салачные неводы и мезеки, которые почти ничем не отличаются от угревых, только устанавливая их следует определенным образом. Кроме того, он рекомендует ставить орудия лова подальше от берегов, на больших глубинах. Анализируя сроки лова угря на нерест, Паолойа указывает на возможность продления пути почти на месяц, то есть до конца октября.

Ученые неоднократно проводили следующие опыты. На угрях, пойманных у берегов Эстонии, ставили метки и затем их выискали в море. Выловленные впоследствии мещеные угри дали основание составить карту предполагаемого хода угря в Балтике. На основе этой карты Паолойа рекомендует новые районы лова.

Паолойа разработал вопросы морского промысла угря. Но есть и другая возможность добычи — искусственное разведение угря в закрытых водоемах. Для этого необходимо лова угря, пойманного в Балтике, перенести в пруды, допустим, Рязанской области и создать там соответствующие условия. Решению этой задачи поможет научная работа студентки Школы химико-биологического факультета Татьяны Аполодовой и Ирины Орловой.

На одном из собраний научного студенческого общества руководитель кружка Ф. Кузнецов предложил им сделать доклад об угрях. Они согласились. Тема доклада увлекала их и затем вылилась в серьезную, плодотворную коллективную работу, затражившую более двух с половиной лет.

Ухаживая за угрями в аквариуме, кормя их, меняя воду, студентки вели тщательное наблюдение за поведением и развитием этих замечательных рыб. Угри так привыкли к девушкам, что когда одна из них опускала руку в аквариум, они уже не зарывались в грунт, как прежде, а подплывали к ладони корма. Выз у подруг общий любимец, самый большой угорь — Буян. Прозвали его так за дурной характер. Буян перекусил всех угрей в аквариуме, а когда его пересладили в «однокласс», ночью сбегал оттуда и только угорем был возвращен обратно. Это не помешало ему совершить еще один подвиг, кончившийся для него плачевно: он погиб.

Студентки определили наиболее благоприятную температуру воды для угря в аквариуме; выяснили, что угри не переносят резкой смены температуры воды, и установили такой режим, при котором угри чувствуют себя в аквариуме, как в естественных условиях.

Аполодова и Ирина Орлова проделали много опытов, результаты которых тщательно записывались. На седьмой студенческой конференции института они прочитали доклад «Наблюдения за поведением молоди угря в аквариуме».

Научная работа молодых специалистов помогает решить проблему транспортировки молоди угря для заселения прудов и водоемов.

Маннивальд Паолойа, окончив институт, уезжает работать к себе на родину в Эстонию, а Татьяна Аполодова и Ирина Орлова в составе научной экспедиции направляется в Калининград.

Разные дороги у молодых ихтиологов, но цель одна — изучение естественных богатств нашей Родины.

Л. ХВОЛСКИЙ

Мы снова вышли в океан...

Далеко от родных берегов, на необъятных просторах Северной Атлантики, ведут промысел сельди морики Мурманской, Калининградской, Клайпедской и других флотских. Лет — идет кружий год — зимой и летом, а шталь и в бурю. Сотни тысяч центнеров атлантической сельди получает ежегодно страна от рыбаков Севера.

Вместе с другими советскими судами бороздит воды Северной Атлантики и наш небольшой корабль — средний рыболовецкий траулер № 189 «Юрочен».

...Выходят дни, когда океан словно замирает, даже малейший полог ветра не потревожит его поверхность. В такие дни для рыбаков дни хорошо работать никогда. Сеть, полная живого

вылова и быстро ставит, или, как говорят рыбаки, «замытает» сеть, чтобы они не имели ни вывертов, ни перекосов.

Хорошо справляется со своей работой экипаж «Юрочки», хотя и состоит весь из молодежи комсомольского возраста.

Молод и наш капитан Анатолий Иванович Семенов. Ему двадцать пять лет, но он уже четвертый год плавает капитаном промыслового судна.

Длительное пребывание в море — мы покидаем порт на несколько месяцев — требует от всевозможных экипажей крепкой дружбы и сплоченности. Именно такой дружбы спаян наш коллектив, душой которого являются комсомольцы. Уже стало традицией, что комсомольцы судна во всем вереди. Пять комсомольцев траулера за хорошую работу награждены почетными грамотами Мурманского облисполкома ВЛКСМ.

Многие комсомолы пришли на наше судно, не имея промыслового опыта. Таким был, например, матрос Иван Елескин. Он пошел на траулер, ему было семнадцать лет. Елескин, как и многих его сверстников, привело на корабль увлечение морской романтикой. Впервые пошел на судно, он от всего уходил в восторг: от комбосов, от штурвального колеса и даже от спасательного пояса. Но суровые будни промысла — иначе разочаровали пареня. Он видел однообразные тяжелые волны, лишенные красок свинцово-серое небо. От качки нерестимо болела голова. На елку не хотелось смотреть. И только поддержка товарищей помогла Елескину преодолеть первые трудности, почувствовать настоящую романтику нашего труда. Он стал хорошим матросом. Во время плавания его приняли в комбосо. Сейчас Иван Елескин учится на курсах штурманов «Главурыпроброма», и мы думаем, что со временем на него выйдет неплохой капитан.

Находясь длительное время в море, команда не чувствует себя оторванной от Большой земли. Мы слушаем радиопередачи Москвы, регулярно получаем газеты, журналы и письма.

У нас есть своя замкнутая киноаппаратура, и мы часто смотрим фильмы. Но большинство свободных минут отдается кинотеатру — она самая верная и неизменная друг.

Любит моряки хорошую песню. Поеют с душой, в три-четыре голоса, поют о морских катках, о дружбе и верности, о труде.

Сейчас мы снова вышли в море, промышлем комбосо. За два месяца промысла наш траулер выловит полугодиковой сля.

...Вечер. Океан спокоен. Легкие сумерки спустились над водой.

На судне тишина. Все, кроме взведенных, отключил. Завтра снова в работу, иль, день новых производственных побед.

Рядис Б. ЗЛОБИН.

Северная Атлантика,
борт СРТ № 189 «Юрочен».

Фото В. Мизлера.

груза, сияет в глубине, и когда ее поднимают вверх, она искрится на солнце. Трещающая сельдь серебристым потоком разливается по палубе. Весь экипаж траулера дружно выходит на обработку улова.

Сельдь быстро сортируют, укладывают в бочки. В погожие времена за сутки обрабатывается до трех-четырех центнеров рыбы.

Но хорошие дни океан балуе редко. Чаще всего штормовой ветер свистит в снастях, ударяется о борт, брызгами летит через надстройки; шубы траулера ходят хаотично. И в таких условиях наш экипаж не прекращает работу.

В прошлом году мы выловили 10 тысяч центнеров сельди. За вылавливание грузовой засетки однажды человек из нашего экипажа награжден орденами и медалями Советского Союза.

Многие люди предусмотрели, чтобы добиться богатого улова. Большие рыбы выловят тот экипаж, который хорошо разоборался в промысловых обстановке: знает, какой температуры вода держится сельди, на какой глубине и куда она движется. Это дает возможность правильно выложить косяки. Но узнать обстановку — одна часть дела. Надо уметь использовать промысловое снаряжение. Команда должна содержать его в полной готовности, пра-

НЕОБЫЧНЫЙ РЕИС

Мчится электровоз. Мелькает полупустыня, мелезодорожные мосты...

Уже гаснут сумерки, начнется накрапывать дождь. Управитель поездом становится тусклым. Машинист включает прожектор, и яркий луч света прорезает воздушную пелену дождя. Однообразные поля сменяются лесом. Дорога круто поворачивает, но трамвай обильнее сохраняет высокую скорость. Так случается и в этот рейс. Он знает, что в пути могут возникнуть самые неожиданные препятствия. Так случилось и в этот рейс. Выезжая из-за поворота, машинист увидел автомобиль, застрявший на переезде, резко затормозил, но сила инерции продлила движение поезда вперед. Расстояние до машины с каждой секундой сужалось. Поезд остановился буквально в нескольких метрах от машины.

Разволнованный водитель вышел из кабины и лет на два, на три минуты. Перед ним лишь белое пятно на шоссе, а отсюда слышны выходы паров — это содержание учебно-тренировочного фильма, который демонстрировался на киноэкране перед молодым водителем в момент начала работы на территории Ленинградского дома техники железнодорожного транспорта. В попутственной компании неслись молодые люди в форме железнодорожников, и среди них был машинист нашего поезда. Инструктор в это время зарывал в киноаппарат вращающийся пленку на сдвиг на кабина водителя электровоза. Ученик не знает паровоз, но знает скорость ему придется вести поезд и какие задачи будут поставлены на пути следования. Кабина управления оборудована

на так же, как на настоящих поездах. Только перед водителем вместо стекла установлен экран.

Летит команда и отключенно. Машинист переводит контроллер в рабочее положение. Одновременно включается киноаппарат. На экране появляется картинка, передающая в движение то, что видит машинист из окна кабины. Машинист имеет возможность решить любую задачу, произвести торможение. Мотор электровоза действует синхронно с киноаппаратом, и если машинист, например, тормозит, то на экране скорость тоже замедляется.

Во время учебного рейса обучающийся постоянно находится под наблюдением преподавателя. На контрольном рейсе, на котором сидит преподаватель, фиксируются все действия машиниста.

Этот способ используется одно-иногда. Перед водителем проходит пересеченная местность. Поезд едет на большой скорости. Вдруг из-за булыка на полотне желвакой дороги вылетает камень. Благодаря сразу идет экстренное торможение...

...Иногда случается, что водителю допустить ошибку... — но сейчас этого не было, дал тормозную команду. Благодаря сразу идет экстренное торможение...

Новая учебная установка — инструктор — синхронизирует работу инструктора с киноаппаратом. Она дает возможность в условиях полной безопасности подготовить высококвалифицированных молодых водителей электровозов.

А. КОНДАЧАН

ТРАКТОРЫ БЕЗ ТРАКТОРИСТОВ

Водитель, выключив мотор, одновременно заводит заднюю фару. Свет лучей бьет в лоб следующего водителя — а за ним еще один, третий, четвертый, скрытые в прорези, фары «намазывают» мотору и, в свою очередь, выключают заднюю фару машины.

Эта модель электротрактора, сделанная учениками Ленинградского ремесленного училища № 52. Многие из учащихся и ученики провинциальных населенных пунктов Кураева, Нюхадского района, Боровичского района и другие. Целью год они разрабатывали модель электротрактора, построили и начали ездить на ней.

Посетитель пододвиг и модели трактора движению электрического лампочку, трактор начинает двигаться. Авторы модели уверены, что недалеко от времени, когда один тракторист поведет десять и более машин. На полях выйдут самотеком, упряжками фототракторы.

И. БАСКАКОВ

Четвероногий питомец

По заданию научно-исследовательского института я проводил обследование охотничьих угодий Закавказья-Нухинской долины, тянувшейся вдоль южного склона Кавказского хребта. С ружьем и рюкзаком мне пришлось нетелем бродить по глухим дубово-грабовым лесам, переплетенным колчанными лианами, ночевать у костра там, где заставала ночь.

Однажды под вечер я вышел к маленькому поселку. Серые, сложенные из камня домики под крутыми черепичными крышами, утопавшие в аспеле сада, мне очень понравились. Три последние ночи я везел в лес, продукты были на исходе, и я решил заночевать в поселке.

Хозяин домика, стоящего у самого реки, радушно принял меня, накормил ужином и, узнав, что я из Москвы, долго расспрашивал о столице.

Осенние ночи в Закавказье очень холодны, ложатся в душевую комнату не захотелось, и я уговорил хозяина оставить меня ночевать в саду. Постель мне устроили на широкой кошме под развесистым орехом.

Легкий ветерок шевелил листья, из-за далеких снежных гор поднималась луна. Я уже начал дремать, как вдруг похлыснулся сигнала легкого шороха, потом хруст, хвороста. Кто-то пробрался через живую изгородь за небольшим плетнем, отделявшим меня от соседнего сада. Я прислушался: у домика соседя кто-то вошел, урчал; домашние животные

не лаяют таких зверюг... Это заставило меня встать и заглянуть за плетень. Какое же было мое удивление, когда на освещенном луной дворецке увидел небольшого медведя. Зверь побродил по двору, погребел стоявшим у стены ведром и, поднышавши за заднюю лапу, стал трепать дверь домика.

Не успев я сообразить, что предпринять, чтобы предупредить соседа о незваном госте, как в дощечки засветилось окошко—кто-то чиркнул спичку, зажг лампу. Медведь попытался от двери, она распахнулась, и я увидел силуэт

человека небольшого роста, который что-то медоволю пробуравил и сузил медведю какой-то предмет. Минута, как мне показалось, радости рывнуло и скрылось в глубине сада. Дверь домика захлопнулась, лампа погасла, и опять наступила тишина. Я долго не мог уснуть, пораженный тем, что видел.

Прошлося я рано и сразу же посмотрел в соседний двор. Перед

домком на опрокинутом ящике сидел старик, довольно крепкий для своих семидесяти лет. Он, как узнал я, познакомившись с ним, был одним из первых русских, поселившихся в этом крае. Сюда, в горы и глухую аспелу, привлек его страсть к охоте. Он давно лишился семьи и жил одиноким, самостоятельно ведя свою нехитрую хозяйство.

— Вас мой приятель заинтересовал—старик и рассказал историю медвежонка.

В начале лета в аспельских местах работала геологическая экспедиция. Геологи накупились в горах на медвежий саломасе и меду. После неудачного выстрела, сделанного участником экспедиции, медведица с одним медвежонком убежала, а второй малыш забрался на дерево, с которого и был снят злодьян.

Геологи притянули медвежонка в поселок и оставили охотнику, чтобы потом, по окончании работы, увести зверя в Москву. Медвежонок сидел около домика и скоро свылся со своим новым жильем. Все, что ему давали, брал пишу из рук и особенно полюбил черный хлеб. Своему хозяину он позволял себя гладить и даже лизал, когда старик с ним играл.

Шло время, наступила осень, геологи так и не приехали за медвежонком. Он подрос, и кормить его стало трудно; пришлось отпустить на волю. Старик отвел медвежонка в лес на Сухую реку, где много диких фруктов и винограда. Сперва медвежонок боялся отходить от человека, но освоившись, принялся за грибки, а старик потихоньку ушел домой.

Не так-то просто оказалось отделить от медвежонка. На зиму он сел среди дятел, которые появились в поселке. На него напали собаки, но он отбился от них. Днем прятался где-то в садах на краю поселения, а по ночам, когда в поселке становилось тихо, приходил навещать своего хозяина и требовал порцию хлеба.

— Значит, хлеб-то нам больше ему по вкусу пришелся, чем фрукты да ягоды,— окончил старик свой рассказ.

Н. РУКОВСКИЙ

СМЕНА

В номере:

- Под флагом Родины.
- В аэроном клубе.
- В Гольдберг—Улугу. Расширя.
- Константин Толпакин — За натуральном. Стихи.
- В. Сергеев—Хороши ночевать в лесу!
- На станичном стадионе — Фото очерк Е. Васильева и А. Удальца.
- А. Сидельников—У прилавка спортивного магазина. (Вместо фельетона).
- В. Гранов, Миск. Пустынный—История одного лапороного вена.
- К. Киннигаде—Полосы.
- В. Дельвин—Сорит пилы верст ильпан.
- В. Косминцев — Стартует Давута Венниовская—В Аспелу над голоной. Отрывок из романа.
- Мария Гайманов—В Крестини.
- Ю. Дербин, В. Совья—Вот он, спорт по-американски.
- Л. Хлодовский—Тина Саргосова моря.
- В. Злобин—Мы снова вышли в океан.

На первой странице обложки: Матросы шлюпочной команды. Этнод П. Мальцева.

На четвертой странице обложки: У моря. Фото А. Становой.

Оформление номера В. Урина.

Технический редактор О. Шрова.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ГОЛОСА

Новый музыкальный инструмент по виду напоминает валенный рояль. Однако сходство это только внешнее. Отличия от рояля инструменты, вы не найдете ни струн, ни молоточков. Вместо них полблизится стеной разнокали, причудливо переплетаются разноцветные проводки, там и тут разбросаны тонкие хруст, хвороста. Кто-то пробрался через живую изгородь за небольшим плетнем, отделявшим меня от соседнего сада. Я прислушался: у домика соседя кто-то вошел, урчал; домашние животные

деревянных духовых инструментов — флейты, иларнетов, гобоев, фаготов.

Исполняется «Элегия» Масне. Звучит она необычно. В музыке выделится свиной и яриый вибрирующая звук, ведущий мелодию, остальные ему мягко анимолануруют. Сейчас аэлектронный гармоний настроен на совершенно новые тембры, не свойственные ни одному из привычных нам инструментов.

Исполнитель нажимает правую педаль, поворачивает рычажком на панели под клавиатурой и начинает играть веселый танец. Звучение стало бодрым, ритмичным. И это как нельзя лучше подводит к изобретению и быстрой музыкальной пьесе.

Качественно же технические средствами достигли конструкторы инструменту столь богатых возможностей изменения звука?

Электронный гармоний состоит из трех основных электрических систем — генераторной, установной, фильтрующей. Когда гармоний включен, генераторная установка непрерывно вырабатывает электрические колебания. Во время игры особым устройством, соеди-

ненным с клавиатурой, осуществляется отбор этих колебаний. Устройство отбора синхронизировано так, что новый звук выключается плавно, без щелчка. Это — большое достоинство электронного гармоний. В других электромусических инструментах звук выключается резко, характерно щелкает, что слышно не вредит художественности. После звука передается на фильтр. Фильтр — это своеобразная «нухия тембров». В нем электрические колебания претерпевают определенные изменения и приобретают нужную форму: форма звука становится, например, тонкой, мягкой, свойственна звуковым колебаниями гобоя, валторны, или совершенно иной, не похожей на форму звука, излучаемого из обычных музыкальных инструментов. Пропущенные через фильтр электрические колебания поступают далее в усилитель, а оттуда уже в динамик.

Сейчас создатели электронного гармоний продолжают его совершенствование. Скоро новый инструмент будет использоваться в музыкальных радиопередачах.

Г. АНФИЛОВ

Главный редактор М. А. Вейченко.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правда», 24.

Тираж 120 000 экз.

Изд. № 598.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Редакция: В. Ананов, Г. Гурин, Е. Домплатовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Коммухова, М. Лукин.

А 50909. Подписано к печати 26/VI 1954 г.

Формат бумаги 70 x 108 см.

Заказ № 2071.

1,75 бум. л.—4,8 бум. л.

ФЛОТСКИЕ РЕБЯТА

Слова И. ГАНВИННА.

Музына А. КЛОКОВА.

По буыжной мостовой
Города Кронштадта
Ходят с песней боевой
Флотские ребята,
Ленты золотом горят
В пламени заката,
— Наша гордость! — говорят
Жители Кронштадта.

В дни, когда сраженья шли
За края родные,
Покидали корабли
Парни боевые.
По буыжной мостовой
Города Кронштадта
Уходили с песней в бой
Флотские ребята.

А когда прошла гроза,
Замерли раскаты,
Возвратились назад
В свой Кронштадт ребята.
Эх вы, ленты, якоря,
Ленты золотые,
Синевоыные моря,
Парни боевые!

Ленты золотом горят,
Орденами — груди,
— Наша гордость! — говорят
О матросскх людях.
По буыжной мостовой
Города Кронштадта
Ходят с песней боевой
Флотские ребята.

Весело, с задором

По буыжной мостовой

го. ри. да Крон. штад. та ходят с песней бое вой флотские ре. бя. та.

Ленты зо. ло. том го. рят в пламени за. ка. та, — Наша гордость! — говят

жи. те. ли Крон. штад. та.

Ленты зо. ло. том го. рят в пламени за. ка. та, — Наша гордость! — говят

жи. те. ли Кронштадта.

Цена номера
2 руб.

